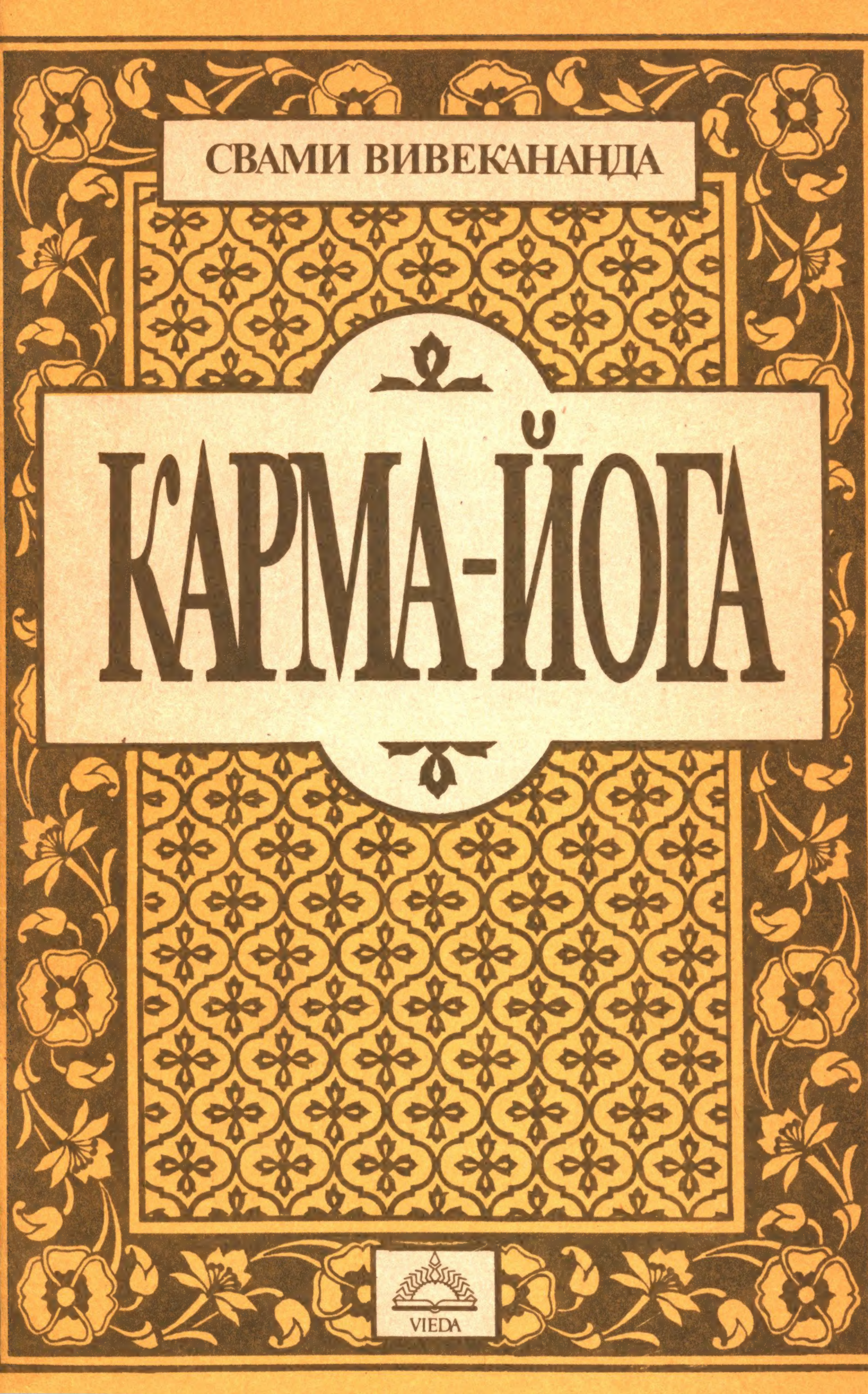

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА
КАРМА-ЙОГА
VIEDA

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА

РИГА «ВИЕДА» 1991

86.39
В 411

Художественное оформление И. КРЕПИЦСА

В $\frac{0403000000}{М 817 (09)—91}$ 91

ISBN 5-85745-018-7

Глава I

ВЛИЯНИЕ КАРМЫ НА ХАРАКТЕР

Слово К а р м а производится от санскритского слова К р и — делать; всякое действие есть К а р м а. Технически это слово также значит — результаты действий. В связи с метафизическими соображениями оно означает иногда результаты, причинами которых были наши прежние действия. Но в Карма-Йоге мы имеем дело со словом К а р м а в смысле работы. Цель человечества есть знание, т. е. это единственный идеал, поставленный перед нами восточной философией. Не наслаждение, а знание есть цель человека. Наслаждение и счастье быстро кончаются. Ошибка предполагать, что наслаждение есть цель. Причина всех несчастий в мире заключается в том, что люди по своему неразумию считают наслаждение идеалом, к которому следует стремиться. Но через некоторое время человек находит, что то, к чему он идет,— это не счастье, а знание и что как удовольствие, так и страдание — одинаково великие учителя. Человек понимает, что он столько же учится от зла, как и от добра. Наслаждение и страдание, проходя перед его душой, оставляют на ней различные картины, и результатом этих соединенных впечатлений является то, что называется «характером» человека. Если мы рассмотрим характер человека, мы увидим, что он в действительности является лишь соединением наклонностей, итогом направления его ума и что горе и радость являются равноценными факторами в образовании характера. Зло и добро в разной мере формируют характер, и во многих случаях горе лучший учитель, чем счастье. Изучая великие характеры, являвшиеся в мире, мы отметим, что в огромном большинстве случаев горе учило больше радости, бедность учила лучше, чем богатство, и удары лучше возбуждали внутренний огонь, чем похвалы.

Знание этого факта об истинных целях человека заложено в самой природе человека, да и вообще никакое знание не при-

ходит извне — все оно находится внутри. Вместо того чтобы говорить, что человек «узнает» что-нибудь, мы, выражаясь строго психологически, должны были бы сказать, что он «открывает» или «раскрывает» это. То, что человек «изучает», он в действительности «открывает», снимая покров с собственной души, которая заключает в себе залежи основного знания. Мы говорим, что Ньютон открыл закон тяготения. Разве закон этот сидел где-нибудь в углу, ожидая Ньютона? Знание этого закона было в собственном уме Ньютона; пришло время, и он нашел его. Все знание, которое когда-либо получал мир, приходило из ума; бесконечная библиотека Вселенной находится в вашем собственном уме. Внешний мир дает лишь толчок, возбуждение, заставляющее вас изучать собственный ум; предметом вашего изучения всегда будет ваш собственный ум. Падение яблока дало толчок мысли Ньютона, и он принялся изучать собственный ум. Он перестроил все прежние звенья мысли в своем уме и открыл среди них новое звено, которое мы называем законом тяготения. Закон этот не содержался ни в яблоке, ни в чем бы то ни было в центре Земли. Итак, всякое знание, как временное, так и духовное, заключается в человеческом уме. Во многих случаях оно не открыто и остается сокрытым, но, когда покров медленно снимается, мы говорим, что «мы учимся», и успехи в знании измеряются быстротой процесса этого раскрытия. Человек, с которого снимается этот покров,— более знающий; человек, на котором этот покров лежит толстым слоем,— незнающий, и человек, с которого этот покров совершенно снят,— всезнающ, всеведущ. Бывали всеведущие люди и будут еще; а в грядущих циклах времени их, наверное, будет множество. Знание скрыто в уме, как огонь в кремне; внешние впечатления и есть удары, высекающие огонь. Так и с нашими чувствами и действиями, с нашими слезами и улыбками, с радостью и с горем, с рыданием и со смехом, с нашими проклятиями и благословениями, с похвалами и порицаниями,— если мы беспристрастно изучим самих себя, то окажется, что все это было высвечено из нас самих соответственными ударами. В результате и получается то, что мы из себя представляем. Все эти удары, взятые вместе, называются К а р м о й—трудом, действием. Каждый умственный и физический удар, наносимый душе, и которым, так сказать, из нее высекается огонь и обнаруживается ее сила и значение, есть К а р м а в самом широком значении этого слова. Мы все время делаем К а р м у. Говорю я с вами — это К а р м а; вы слушаете — это К а р м а. Мы дышим — К а р м а, гуляем — К а р м а. Все, что мы делаем, умственно ли или физически, есть К а р м а, и она оставляет на нас свой след.

Некоторые вещи, которые делает человек, имеют значение только в сумме. Большое дело, в сущности, состоит из тысячи маленьких. Когда мы стоим на морском берегу и слышим шум разбивающихся волн, мы думаем: какой это большой шум; и, однако, мы знаем, что каждая волна в действительности состоит из мил-

лионов и миллионов маленьких волн, и каждая из них производит шум, но мы не улавливаем его; только когда эти маленькие шумы соединяются в один большой, мы слышим их. Подобным образом каждое биение сердца есть совершаемое нами действие; некоторые виды действия мы чувствуем, и они становятся ощутимы для нас только тогда, когда соединяется вместе множество мелких действий. Если действительно вы хотите судить о характере человека, не смотрите на его великие дела. Всякий глупец может раз в жизни стать героем. Наблюдайте за тем, как человек исполняет самые обыкновенные дела, это именно и даст вам указание относительно истинного его характера. Исключительные случаи возносят и самое низкое человеческое существо до некоторого величия, но лишь тот человек действительно велик, чей характер велик и неизменен во всех обстоятельствах жизни.

Карма в своем влиянии на характер является одной из могущественнейших сил, с которой человеку приходится иметь дело. Человек представляет, так сказать, центр, привлекающий к себе все силы Вселенной; в этом центре он сплавляет их всех и посылает их дальше одним большим потоком. Такой центр и есть истинный человек, всемогущий, всеведущий, и он влечет к себе всю Вселенную; добро и зло, горе и радость — все стремится и льнет к нему; из них он образует мощный поток наклонностей, именуемый характером, и выбрасывает его из себя; имея силу втягивать в себя все, он имеет силу и выбрасывать.

Все действия, которые мы видим в мире, все движения в человеческом обществе, все роды деятельности вокруг нас — это просто результат мысли, проявление воли человека. Машины, орудия, города, корабли, броненосцы — все это просто проявления воли человека. Воля эта имеет свой источник в характере, а характер создается Кармой. Какова Карма, таково и проявление воли. Люди большой воли были все необыкновенные работники — исполинские души, обладавшие волей настолько сильной, что она могла перевертывать миры,— волей, приобретенной упорным трудом на протяжении многих веков. Гигантская воля, подобная воле Будды или Иисуса, не могла быть приобретена в одну жизнь, потому что мы знаем, кто были их отцы. Отцы их, насколько нам известно, ни одного слова не произнесли на благо человечества. Миллионы и миллионы плотников, подобных Иосифу, жили и умерли. Миллионы их живут и ныне. В мире жило много миллионов маленьких царей, вроде отца Будды. Если бы весь вопрос заключался лишь в наследственной передаче качеств, как объяснить, что этот ничтожный царек, которому, может быть, и собственные слуги не повиновались, имел сына, которому поклоняется полмира? Как объяснить бездну, отделяющую плотника от Сына, которого миллионы людей почитают за Бога? Эта загадка не может быть разрешена одной теорией наследственности. Гигантская воля, которую Будда и Иисус бросили в мир, откуда она явилась? Откуда пришло это скопление силы? Оно должно было

существовать веками и веками, разрастаясь все больше и больше, пока оно не вылилось на людей через Будду и Иисуса, продолжая литься и до настоящего дня.

Все это обусловливается Кармой, трудом, работой. Никто ничего не может получить, если того не заслужил. Таков вечный закон. Иногда мы склонны думать, что это не так, но в конце концов мы убеждаемся в незыблемости этого. Человек может всю жизнь бороться из-за приобретения богатства. Он может обманывать тысячи людей, но, наконец, он убеждается, что не заслужил богатства, и жизнь становится ему в тягость. Мы можем накоплять вещи для нашего физического наслаждения, но лишь то, что мы заслужили, действительно нам принадлежит. Глупец может купить все книги в мире, и они будут стоять в его библиотеке, но прочесть он сможет лишь то, что заслужил, и эта заслуга и дается Кармой. Наша Карма определяет, чего мы заслуживаем, что мы можем усвоить. Мы ответственны за то, что мы есть, и мы имеем в себе силу сделать себя тем, чем хотим быть. Если мы, каковы мы теперь, являемся результатом наших прежних действий, то из этого, конечно, следует, что наш будущий облик может быть создан нашими настоящими действиями; следовательно, мы должны знать, как нам поступить в разных случаях жизни. Вы скажете: «Зачем учиться работать? Каждый человек несет ту или другую работу в мире». Но ведь бывает и напрасная трата сил. Относительно Карма-Йоги Бхагавадгита говорит, что эта Йога учит умелому и правильному исполнению работы: уменьем работать можно достигнуть больших результатов. Не забудьте, что всякий труд существует для выявления сил, уже существующих в уме, для пробуждения души. Силы эти сокрыты в каждом человеке, как сокрыто в нем и знание; различные виды труда подобны ударам, выводящим эти силы наружу, заставляющим исполинов проснуться.

Человек работает, руководствуясь различными мотивами; без мотива не может быть и работы. Некоторые люди жаждут славы, и они работают для славы. Одни хотят иметь деньги, и они работают для денег. Другие жаждут власти, и они работают для власти. Иные хотят попасть на небо; и они трудятся, чтобы достичь своего. Иные хотят оставить после себя имя, как, например, в Китае, где человек получает титул лишь после смерти, что, пожалуй, и правильно. Если кто-нибудь совершит что-нибудь очень хорошее в Китае, то титул дается его умершему отцу или деду. Иные люди и для этого трудятся. Некоторые последователи Магомета всю жизнь работают для того, чтобы соорудить себе гробницу. В иных сектах, как только ребенок родится, ему уже изготовляется могила, для членов этой секты это самое важное дело в жизни, и чем красивее гробница, тем человек считается богаче. Иные трудятся, имея в виду покаяние; они совершают всевозможные дурные поступки, затем строят храм или дают деньги священникам, чтобы откупиться и получить право попасть на небо.

Они думают, что такого рода щедрость очистит их и они избегнут наказания, несмотря на свою греховность. Таковы различные побуждения к труду.

Но нужно работать ради работы. В каждой стране есть люди, являющиеся лучшей частью человечества и работающие ради работы, не желая для себя ни громкого имени, ни славы, ни даже небесного блаженства. Они работают только ради пользы, приносимой их трудом. Иные благодетельствуют бедным и служат человечеству из еще более высоких побуждений, потому что они верят в добро и любят добро. Жажда известности и славы редко дает немедленные результаты: и то и другое приходит обыкновенно в пожилые годы, когда мы покончили расчеты с жизнью. Если же человек работает бескорыстно, разве он ничего не приобретает? Нет, он приобретает высшее, что существует. Бескорыстие выгодно. Но у людей не хватает терпения его осуществлять. Любовь, правда и бескорыстие являются не только нравственными прописями и риторическими украшениями речи; они составляют высочайший идеал, заключая в себе могучее проявление силы. Прежде всего, человек, способный работать пять дней или даже пять минут без всякой корыстной цели, не думая о будущем, о небе, о наказании или о чем бы то ни было в этом роде, благодаря этой работе получает возможность вырасти в мощного нравственного исполина. Трудно это сделать, но в глубине сердца мы понимаем все значение подобной работы и пользу, приносимую ею. Огромное самообладание, требуемое бескорыстной работой, есть большее проявление силы, чем всякое иное. Экипаж, запряженный четверкой, может безудержно катиться с горы, но кучер может и удержать лошадей. А что составляет большее проявление силы — удержать лошадей или дать им волю? Снаряд летит в воздухе на большое пространство и падает. Другой снаряд ударяется по пути о стену, и толчок порождает сильную теплоту. Всякая устремленная наружу сила, следующая за корыстным побуждением, тут же и исчерпывается; она не вызовет возврата к вам силы; будучи же сдержана, она даст в результате развитие силы. Это самообладание выковывает сильную волю, мощный характер, который даст в свое время Христа или Будду. Неразумные люди не знают этой тайны, тем не менее они стремятся властвовать над человечеством. Впрочем, даже глупец может приобрести владычество над всем миром, если он сумеет трудиться и ждать. Пусть он выждет несколько лет и избавится от неразумной жажды власти; и, когда эта мысль совершенно исчезнет из его ума, он станет силой в мире. Большинство из нас не может видеть далее нескольких лет, подобно тому, как многие животные не могут видеть далее нескольких шагов. Мир наш — узкий круг. Мы не имеем терпения заглянуть за его пределы и, таким образом, становимся безнравственными и дурными. Это слабость, наше бессилие.

Однако не следует презирать и низшие виды работы. Пусть

человек, не видящий пред собой лучшего, работает с эгоистической целью, ради приобретения известности и славы, но каждый из нас должен всегда стремиться к высшим и высшим побуждениям и стремиться понять их. «Мы имеем право работать, но не имеем права на плоды работы». Оставьте плоды. Зачем думать о результатах? Если вы помогаете человеку, не думайте об отношении этого человека к вам. Если вы хотите сделать великое или хорошее дело, не думайте о результатах его для вас самих.

В связи с этим идеалом работы возникает один трудный вопрос. Интенсивная деятельность необходима. Мы должны всегда работать. Мы не можем и минуты прожить без труда. Как же быть с отдыхом? Перед нами одна сторона жизненной борьбы — работа, увлекающая нас в своем водовороте. Но тут же стоит и другое — тихое, безвестное самоотвержение: все кругом мирно, нет шума и внешней деятельности — лишь природа с ее животными, и цветами, и горами. Но ни та, ни другая картина не совершенны. Человек, привыкший к уединению, будет уничтожен водоворотом жизни, придя в соприкосновение с ним, подобно тому, как рыба, живущая в глубоких водах, погибает, лишенная того давления воды, под которым создалось ее тело. Может ли, с другой стороны, человек, привыкший к шуму и суете жизни, чувствовать себя хорошо в тихом месте? Он страдает и может лишиться разума. Тот человек идеален, который среди величайшей тишины и уединения находит самую напряженную деятельность и среди напряженной деятельности находит тишину и уединение пустыни. Он обрел тайну самообладания: он имеет власть над собой. Он идет по улицам большого города с его шумным движением, но ум его покоен, как будто он находится в пещере, куда ни один звук не долетает, и все время ум его напряженно работает. Таков идеал Карма-Йоги, и, достигнув его, вы действительно обретете тайну труда.

Но начинать нам надо сначала; надо приниматься за работу, выпадающую на нашу долю, и постепенно делаться с каждым днем бескорыстнее. Работая, мы должны анализировать мотивы, побуждающие нас к труду, и в первые годы мы почти неизменно будем убеждаться в том, что побуждения наши эгоистичны; но настойчивость постепенно растворит этот эгоизм, пока, наконец, не наступит время, когда мы способны будем воистину бескорыстно работать. Все мы можем надеяться на то, что наступит время, когда, шествуя по жизненным путям, мы станем совершенно бескорыстными; и в эту минуту, когда мы этого достигнем, все силы наши будут сосредоточены, и знание, присущее нам, проявится.

Глава II

КАЖДЫЙ ВЕЛИК НА СВОЕМ МЕСТЕ

Согласно философии Санкхья, природа состоит из трех сил, именуемых по-санскритски: раджас, тамас, саттва. Проявление их в физическом мире мы можем назвать активностью, инертностью и равновесием. Тамас олицетворяется темнотой и бездействием, Раджас — деятельностью, выражающейся в притяжении и отталкивании, а Саттва есть равновесие между ними.

В каждом человеке кроются эти три силы. Иногда преобладает тамас; мы становимся ленивыми, не можем двигаться, мы бездеятельны, потому что нас связывают или какие-нибудь идеи, или простая притупленность чувств. В других случаях преобладает активность, а в иные минуты — спокойное равновесие между тамасом и раджасом. В разных людях преобладает та или другая сила. Один человек отличается бездеятельностью, тупостью и ленью, другой — активностью, силой, проявлением энергии; в третьем мы видим мягкость, спокойствие, кротость, порождаемые равновесием между деятельностью и бездействием. Так и во всем мире — в животных, в растениях, в людях — мы наблюдаем более или менее яркие проявления этих трех сил.

Карма-Йога имеет преимущественное отношение к этим трем факторам нашей жизни. Понимание их природы и способов их применения помогает нам правильнее работать. Человеческое общество представляет из себя организацию, построенную на принципе постепенности. Мы все имеем понятие о нравственности, о долге, но вместе с тем мы знаем, что в различных странах представления о нравственности значительно разнятся между собой. Что считается нравственным в одной стране, иногда совершенно безнравственно в другой. Например, в одной стране двоюродные братья и сестры могут вступать в брак, в другой такие браки считаются безнравственными; в одной стране мужчины могут жениться на своих невестках, в другой такие браки не допускаются; в одной стране можно вступить в брак лишь один раз, в другой — много раз, и т. д. Так и в других областях понятия о нравственности весьма различны; несмотря на это, мы все же сознаем, что должен существовать однородный всемирный идеал нравственности.

То же самое можно сказать и о долге. Понятия о долге чрезвычайно разнообразны у различных народов: в одной стране, если человек не проделывает известных вещей, его за это осуждают; если он в другой стране будет делать именно эти самые вещи, то скажут, что он неправильно поступает. Вместе с тем мы все же сознаем, что должно существовать определенное всемирное представление о долге. Точно так же один класс общества думает, что некоторые вещи входят в круг его обязанностей, тогда как другой слой думает совершенно противоположное и был бы в отчаянии, если бы его заставили так поступать. Перед нами лежат

две дороги — дорога людей незнающих, уверенных в том, что путь к истине один и что вне его все дурно, и дорога мудрых, признающих, что долг и нравственность меняются сообразно с нашим умственным строем или с различными планами нашего существования. Важно знать, что существуют различные ступени долга и нравственности, что долг одной стадии не может быть долгом другой.

Поясним это примером. Все великие учители говорили: «Не противься злу». Они учили, что непротивление есть высший нравственный идеал. Мы все знаем, что если бы некоторые из нас стали осуществлять этот идеал на практике, то все общественное здание рухнуло бы; злые завладели бы нашей собственностью и нашей жизнью и поступали бы с нами по своему усмотрению. Если бы был осуществлен хотя бы в течение одного дня идеал непротивления, то он привел бы нас к катастрофе. Однако интуитивно — в глубине сердца — мы чувствуем истину учения: «Не противься злу». Оно представляется нам высочайшим идеалом. Однако проповедь лишь одной этой доктрины равносильна была бы обречению на гибель значительной части человечества. К тому же она заставила бы людей чувствовать, что они всегда поступают дурно и вызвала бы в них угрызения совести за все их поступки; это ослабило бы их, и постоянное самоосуждение породило бы больше зла, чем всякая другая слабость. Перед человеком, начинающим ненавидеть себя самого, раскрываются двери вырождения. То же самое можно сказать о целом народе.

Первая наша обязанность состоит в том, чтобы себя не ненавидеть; для того чтобы идти вперед, нам надо верить сперва в себя, потом в Бога. Тот, кто не верит в себя, не может верить и в Бога. Поэтому нам необходимо ясно понять, что долг и нравственность меняются при различных обстоятельствах. Нельзя сказать, что человек, который противится злу, делает то, что всегда и само по себе неправильно. Наоборот, в известных обстоятельствах, в которых он может оказаться, противиться злу может быть его прямою обязанностью.

Многие из западных читателей, читая Бхагавадгиту, изумлялись, находя во второй главе слова Кришны, обращенные к Арджуне, в которых Кришна называет Арджуну лицемером и трусом за его отказ вступать в бой или сопротивляться неприятелю на том основании, что его противники — все его друзья и родственники, и также потому, что непротивление есть величайший идеал любви. Великий урок, который мы все должны выучить, заключается в том, что крайности всегда похожи друг на друга; когда вибрации света слишком медленны, мы их не видим, и точно так же не видим их, когда они слишком быстры. То же самое относительно звука. Мы не слышим его, когда он слишком низок или когда он слишком высок. Однородно с этим и различие между противлением и непротивлением. Один человек не противится, потому что он слаб, ленив и не то что не хочет, а не может бороться. Другой человек знает, что, если он захочет, он

сумеет нанести сокрушающий удар; однако он не только не наносит удара врагам, но благословляет врагов. Тот, кто не противится по слабости, совершает грех и в силу этого не может получить никакой пользы от непротивления, тогда как другой человек совершил бы грех, сопротивляясь. Будда отдал свой царский престол и отрекся от власти и положения,— это было истинное отречение. Но не может быть речи об отречении, когда дело идет о нищем, которому не от чего отрекаться! Итак, мы должны всегда тщательно взвешивать смысл наших слов, когда говорим о непротивлении или о противлении. Если мы, обладая силой, отказываемся ею пользоваться и не противимся, мы совершаем великий акт любви; но если мы не можем противиться и вместе и тем стараемся уверить самих себя, что мы движимы побуждениями высшей любви, то мы тем самым делаем противоположное. Арджуна испугался, увидев перед собой ряд мощных противников; его «любовь» заставила его забыть свой долг перед страной и перед королем. Потому-то Шри Кришна и назвал его лицемером: «Ты говоришь как мудрец, но твои действия обнаруживают в тебе труса; поэтому встань и иди в бой!».

Такова главная идея Карма-Йоги. Тот человек — Карма-йог, который понимает, что высочайший идеал есть непротивление, знает, что это непротивление составляет высшее проявление силы, находящейся в его действительном обладании, и знает, что так называемое противление злу есть только путь к проявлению этой высшей силы, а именно — непротивления. Прежде чем достичь высшего идеала непротивления, человек должен исполнить свой долг и противиться злу; пусть он работает, борется, рубит с плеча. Но непротивление станет добродетелью, только когда он приобретет силы для сопротивления.

Я встретил у себя на родине одного человека, которого я раньше считал очень глупым и тупым, который ничего не знал и не желал знать и жил животной жизнью. Он спросил меня, что ему делать, чтобы познать Бога, как ему достигнуть освобождения? «Можешь ли ты солгать?»— спросил я его. «Нет»,— ответил он. «Тогда научись лгать. Лучше лгать, чем жить как животное или бревно; ты ничего не делаешь; ты несомненно не достиг высшего состояния, которое лежит выше всех действий, спокойного и ясного; ты еще слишком туп, даже для того, чтобы сделать что-нибудь злое». Это был исключительный случай, и я, конечно, шутил; но я хотел сказать этим, что человек должен быть деятельным для того, чтобы перейти через деятельность к полному покою.

Бездеятельности следует всеми мерами избегать. Деятельность всегда означает сопротивление. Противьтесь всякому злу, ментальному и физическому, и когда вы достигнете успеха в сопротивлении, тогда придет покой. Очень легко сказать: «Не ненавидь никого; злу не противься!»— но мы знаем, к чему это обыкновенно приводит на практике. Когда взоры общества обращены на нас, мы выказываем наше непротивление, но сердце наше все время точит червь. Мы ощущаем полное отсутствие того мира, который

должен дать непротивление, и чувствуем, что лучше нам было бы противиться. Если вы желаете богатства и вместе с тем знаете, что весь мир считает всякого человека, стремящего к богатству, очень дурным, то вы, может быть, и не посмеете броситься в борьбу за богатством, однако ум ваш будет день и ночь думать о деньгах. Это — лицемерие, и оно ни к чему не приведет. Окунитесь в жизнь мира, и только по истечении некоторого времени, когда вы выстрадаете и насладитесь всем тем, что он в себе содержит, придет отречение, а с отречением — и покой. Утолите вашу жажду власти и всего остального, и после того как вы ее удовлетворите, настанет время, когда вы увидите, что все это очень маловажно; но пока вы не удовлетворили этого желания, пока вы не испытали эту деятельность, вам невозможно достичь состояния покоя, ясности и самоотречения. Ясность и самоотречение составляли предмет проповеди в течение многих тысяч лет; все мы слышали о них с детства; однако не многих людей видим мы в мире достигшими этих состояний. Сомневаюсь, встретил ли я хотя бы двадцать человек в моей жизни, в самом деле спокойных и не противящихся злу; между тем я объездил полмира.

Каждый человек должен создать себе идеал и стремиться провести его в жизни; этот способ — более верный путь внутреннего прогресса, чем принятие чужих идеалов, осуществить которые человек никогда не может надеяться. Например, если мы прикажем ребенку сразу пройти двадцать верст пешком, он умрет, а один ребенок из тысячи проползет двадцать верст и пойдет до конца, хотя бы измучившись до полусмерти. Подобные вещи и мы пытаемся сделать. Люди, которых мы встречаем в обществе, мужчины и женщины, имеют не одинаковый ум, способности и силы; они должны иметь личные идеалы, и мы не имеем права смеяться над их идеалами, какие бы они ни были. Пусть каждый делает все, что может, чтобы осуществить свой собственный идеал. Но совершенно неправильно судить мои стремления с точки зрения вашего идеала или ваши с точки зрения моего. Нельзя судить о яблоне, сравнивая ее с дубом, и нельзя судить о дубе, сравнивая его с яблоней. Для яблони есть своя мерка суждения и для дуба — своя.

Единство в разнообразии есть план творения. Люди могут сильно различаться между собой, но в основе их лежит единство. Различные индивидуальные характеры и различные классы мужчин и женщин являются естественными разновидностями в творении. Поэтому не следует прикладывать к ним одинаковые мерила или ставить перед ними одинаковый идеал. Такой образ действия порождает лишь неестественную борьбу, в результате человек начинает ненавидеть себя, что мешает ему стать религиозным и добрым. Наш долг заключается в том, чтобы поощрять каждого в его борьбе и стремлении жить сообразно его высшему идеалу и в стараниях в то же время сделать этот идеал как можно более близким к истине.

В индусской этике этот факт был признан с самых древних времен. И в писаниях индусов, и в кодексах морали даются различные правила для различных классов людей: для мирского человека («домохозяина»), с а н ь я с и (человека, отказавшегося от мира) и «ученика».

Жизнь каждого человека, согласно индусским писаниям, имеет свои особые обязанности помимо тех, что свойственны вообще всему человечеству. Индус начинает жизнь учеником; затем он женится и становится домохозяином; в старости он оставляет дела и, наконец, отказывается от мира и становится саньяси. На каждой из этих стадий жизни человек имеет разные обязанности. Ни одна из этих стадий по внутреннему содержанию не выше другой; жизнь женатого человека так же высока, как и жизнь холостого человека, посвятившего себя религии. Метельщик на улице столь же велик и славен, как король на своем троне. Сведите короля с его престола, заставьте его мести улицу и посмотрите, как он будет себя чувствовать. Возьмите метельщика и посмотрите, как он будет управлять царством. Бесполезно говорить, что человек, живущий вдали от мира, выше человека, живущего в мире. Наоборот, гораздо труднее жить в мире и служить Богу, чем уйти от мира и вести свободную, легкую жизнь. Четыре стадии жизни в Индии в позднейшие времена свелись к двум — к жизни домохозяина и к жизни монаха. Мирской человек женится и несет свои обязанности гражданина. Обязанности монаха заключаются в том, чтобы отдать всю энергию религии, проповедовать и молиться Богу. Я приведу вам несколько отрывков из М а х а-Н и р в а н ы-Т а н т р ы, говорящей об этом предмете, и вы увидите, как трудно исполнять все обязанности мирского человека согласно понятиям индусов.

Мирской человек (домохозяин) должен быть предан Богу. Познание Бога должно быть целью его жизни, и однако он должен постоянно работать, исполнять все свои обязанности, отдавать Богу плоды всех своих действий. Это самая трудная вещь на свете — работать и не думать о результатах, помогать человеку и не ждать в ответ благодарности, делать какое-нибудь доброе дело, не помышляя о том, принесет ли оно громкое имя или славу, или ровно ничего. Даже самый явный трус становится храбрым, когда люди восхваляют его. Глупец может совершить героический поступок, когда окружающие его одобряют и поддерживают. Но непрерывно делать добро, не заботясь об одобрении окружающих,— это на самом деле высшая жертва, какую может принести человек. Главная обязанность домохозяина (мирского человека) состоит в том, чтобы зарабатывать для себя и семьи, но он должен остерегаться, чтобы при этом не лгать, не обманывать и не обкрадывать других, и должен помнить, что жизнь его посвящена Богу и бедным.

Зная, что отец и мать являются видимыми представителями Бога, мирской человек всегда и во всех случаях жизни должен

угождать им. Если отец и мать довольны им, то доволен им и Бог. Тот сын действительно хорош, который никогда не скажет резкого слова своим родителям.

В присутствии родителей нельзя шутить, нельзя проявлять суетливость, гнев или дурное настроение. Перед отцом и матерью сын должен низко склоняться, стоять в их присутствии и не садиться, пока они ему того не позволят.

Если мирской человек имеет пищу, питье и одежду, не позаботившись прежде о том, чтобы его отец, дети, жена и бедные имели пищу, питье и одежду, он совершает грех. Мать и отец являются началами, создавшими его тело, и поэтому человек должен пройти хотя бы через тысячу неприятностей для того, чтобы сделать для них добро. Такого же рода его обязанности и к жене; он никогда не должен бранить ее и должен содержать ее, как родную мать. И даже когда он испытывает самые большие затруднения и горести, он не должен гневаться на жену.

Кто думает о другой женщине, кроме своей жены, касаясь ее хотя бы только в уме своем,— тот идет в темный ад.

При женщинах семьянин не должен говорить непристойности и не должен хвастаться. Он не должен говорить: «Я сделал то и сделал это».

Мирской человек должен всегда угождать жене: деньгами, одеждой, любовью, доверием и словами, подобными нектару, и не должен никогда расстраивать ее. Человек, сумевший приобрести любовь целомудренной женщины, преуспел в своей религии и обладает всеми добродетелями.

Обязанности к детям следующие: сын должен быть с любовью оберегаем до четвертого года; воспитывать его следует до шестнадцати лет. Когда ему минет двадцать лет, он должен начать работать; отец должен с ним тогда ласково обращаться, как с равным. Точно так же дочь должна быть воспитана с величайшей тщательностью. При выходе ее замуж отец должен дать ей приданое.

Затем обязанности человека простираются к его братьям, сестрам и к детям братьев и сестер, если они бедны, а затем к другим родственникам, к друзьям и к слугам. Затем он имеет обязанности к жителям одного с ним города или селения, к бедным и ко всякому, приходящему к нему за помощью.

Если мирской человек имеет достаточные средства и не уделяет часть их родственникам и бедным, он — не человеческое существо, а животное.

Следует избегать чрезмерной привязанности к пище, к одежде, к уходу за телом и к причесыванию волос. Мирской человек должен быть чист сердцем, опрятен, всегда деятелен и всегда готов к работе.

Для своих врагов мирской человек должен быть героем. Он должен бороться с ними и сопротивляться им. Это обязанность домохозяина. Он не должен сидеть в углу, плакать и говорить о непротивлении. Если он не показывает себя героем своим врагам, он

не исполнил своих обязанностей. С друзьями же и родственниками он должен быть кроток, как агнец.

Мирской человек обязан не преклоняться перед другим человеком, потому что, преклоняясь перед злыми людьми, он потворствует злу. Но будет большой ошибкой, если он будет пренебрегать людьми, достойными уважения. Он не должен быть слишком поспешен в своей дружбе; он не должен искать дружбы со всеми без разбора. Он должен сначала наблюдать за поступками людей, с которыми он хочет сойтись, за их поступками по отношению к другим людям, обсудить эти поступки и только после этого вступать с людьми в дружбу.

О трех вещах он не должен говорить: он не должен говорить публично о своей известности; не должен восхвалять свое имя или свои силы; не должен говорить о своем богатстве или о чем-нибудь, что ему было сказано по секрету.

Человек не должен говорить, что он беден или что он богат,— ни в каком случае не должен хвастаться своим богатством. Пускай он будет благоразумен; это его религиозная обязанность. Это не простая мирская мудрость; если человек не будет благоразумным, его могут счесть безнравственным.

Домохозяин является опорой всего общества; он — главный кормилец. Бедные, слабые, дети и женщины, которые не работают,— все зависят от его заработка. Поэтому есть некоторые обязанности, которые домохозяин должен выполнить, и, выполняя их, он должен чувствовать себя сильным, а не думать, что он делает вещи ниже своего идеала. Поэтому, если он допустил какую-нибудь слабость или совершил какую-нибудь ошибку, он не должен говорить об этом публично, или, если он участвует в каком-нибудь предприятии и знает, что предприятие должно кончиться неудачей, не должен говорить об этом. Такая откровенность не только не нужна, но она ослабляет человека и мешает исполнению им его обязанностей.

В то же время мирской человек должен энергично бороться, чтобы приобрести две вещи: сначала знание, потом богатство. Это его долг, и если он не исполнит своего долга, он — ничтожество. Домохозяин (мирской человек), который не борется ради богатства,— действует безнравственно. Если он ленив и довольствуется праздной жизнью, он живет безнравственно, потому что от него зависят, может быть, сотни людей. Если же он приобретает богатство, то сотни других людей находят в нем свою поддержку.

Если бы в этом городе не было многих людей, жаждавших богатства и приобретших его, не было бы здесь и различных культурных и благотворительных учреждений.

В данном случае погоня за богатством не предосудительна, так как она имеет целью дальнейшее распределение его. Для мирского человека приобретение богатства и благородное использование его составляет религиозный долг: домохозяин, стремящийся разбогатеть праведными путями и для правильных целей,

в действительности делает то же самое для достижения спасения, что и отшельник, молящийся в своей келье, так как в них мы наблюдаем лишь различные проявления той же добродетели — самоотречения и самопожертвования, вызываемых преданностью Богу и всем Его созданиям.

Мирской человек должен всеми силами стараться приобрести доброе имя; не должен играть в азартные игры, общаться с дурными людьми и быть источником горя для других.

Нередко люди берутся за то, что они не могут сделать, и в результате обманывают других для достижения своих целей. Во всех случаях надо принимать во внимание время, привходящее как фактор во все. Затем, что один раз может быть неудачей, другой раз может стать большим успехом.

Домохозяин должен быть правдивым, говорить мягко, употреблять выражения, приятные для других и могущие принести им пользу; он не должен также говорить о чужих делах.

Вырывая пруды, обсаживая дороги деревьями, устраивая убежища для людей и животных, прокладывая дороги и наводя мосты, мирской человек идет к той же цели, что и величайший йог.

Итак, деятельность и обязанности мирского человека составляют часть учения Карма-Йоги.

Дальше говорится, что «если человек умирает на поле битвы, сражаясь за свою страну или за свою веру, он приходит к той же цели, к какой йог приходит путем медитации». Это показывает, что обязанность одного человека не является обязанностью для другого; и в то же время нельзя сказать, что один долг принижает, а другой возвышает. Каждый долг имеет свое место, и мы должны исполнять свои обязанности, сообразно с теми условиями, в какие мы поставлены.

Из всего этого вытекает одна идея: осуждение всякой слабости. Эта мысль сквозит во всех индийских учениях, в философии и в религии. В Ведах постоянно повторяется слово «бесстрашие»: «Не страшитесь ничего!». Страх — признак слабости. Человек должен исполнять свой долг, не обращая внимания на насмешки и издевательства мира.

Уходя из мира для служения Богу, человек не должен думать, что все, остающиеся в мире и работающие на благо мира, не служат Богу; точно так же и люди, живущие в мире для жены и детей, не должны считать людей, отрекшихся от мира, праздными бродягами. Каждый человек велик на своем месте. Эту мысль можно пояснить следующим примером.

Некий царь имел привычку спрашивать всех саньяси, приходивших в его страну: «Кто больше — тот ли, кто, отрекшись от мира, становится саньяси, или тот, кто живет в мире и исполняет свои обязанности мирского человека?». Многие мудрецы пытались разрешить эту задачу. Некоторые утверждали, что саньяси выше; тогда царь требовал, чтобы они доказали свое положение. И когда

они не могли этого сделать, он приказывал им жениться и жить в мире. Затем приходили другие и говорили: «Семьянин, исполняющий свои обязанности, выше». И от них тоже царь требовал доказательств. И когда они не могли дать их, он также заставлял их начать жить жизнью домохозяев.

Наконец, пришел один молодой саньяси, и царь задал и ему тот же вопрос. Саньяси отвечал: «О царь, каждый велик на своем месте».—«Докажи это мне»,— сказал царь. «Я докажу это тебе,— сказал саньяси,— но ты должен прежде пойти со мной и жить несколько дней так же, как я, чтобы я мог доказать тебе то, что я говорю». Царь согласился, последовал за саньяси, вышел с ним из своего царства и, пройдя много других стран, дошел до одного большого царства. В столице, куда они пришли, происходила торжественная церемония. Царь и саньяси услышали бой барабанов, музыку и крики глашатаев; народ толпился на улицах в праздничных одеждах, и везде глашатаи возвещали о том, что должно было произойти. Царь и саньяси стояли и смотрели на происходившее. Глашатай возвещал народу, что дочь царя той страны собирается выбрать себе мужа из числа собравшихся.

Согласно старинному обычаю, царевны в Индии выбирали себе мужей таким образом. Каждая царевна имела свою идею о том, какой ей нужен муж; некоторые желали иметь самого красивого человека; другие — самого ученого; третьи — самого богатого, и т. д. И каждая выбирала того, кто ей нравился. Так было и здесь. Все соседние царевичи нарядились в лучшие одежды и явились в город. Некоторые из них имели своих собственных глашатаев, провозглашавших их достоинства и объяснявших, почему они надеялись, что царевна выберает их. Царевну, в роскошном, блестящем уборе, носили в паланкине, и она смотрела и слушала. если ей не нравилось, то что она видела и слышала, она говорила слугам, несшим ее: «Дальше!»— и не обращала больше внимания на отверженных женихов. Если же царевне понравился бы кто-нибудь из них, она бросила бы ему гирлянду из цветов, и он стал бы ее супругом.

Царевна была прекрасна, как заря, и ее супруг должен был получить все царство после смерти ее отца. Царевна хотела иметь мужем самого красивого человека, но она не могла найти такого, который бы понравился ей.

Уже много раз происходили подобные собрания, но царевна не могла выбрать себе супруга. Это собрание было самым блестящим из всех; народу собралось больше, чем когда-либо. Царевна появилась в роскошном паланкине, и носильщики носили ее с места на место. Но ей, по-видимому, опять никто не понравился, и присутствующие с разочарованием думали, что собрание и в этот раз кончится ничем. Как раз в это время явился молодой человек, саньяси, прекрасный, как солнце, сошедшее на землю; он стал в стороне, наблюдая за происходившим. Паланкин с царевной приблизился к нему, и как только царевна увидела прекрасного саньяси,

она остановилась и бросила на него гирлянду цветов. Молодой саньяси схватил гирлянду и, сбросив ее с себя, воскликнул: «Что за глупости! Я — саньяси. Какой для меня может быть брак?». Царь, думая, что он слишком беден и поэтому не смеет жениться на царевне, сказал: «За моей дочерью я даю половину царства сейчас и все царство после смерти»— и снова возложил гирлянду на саньяси. Но молодой человек снова сбросил гирлянду, говоря: «Глупости! Я не хочу жениться», и быстро ушел.

Но царевна так полюбила молодого человека, что сказала: «Я должна выйти за него замуж или я умру», и она последовала за ним, желая его вернуть.

Тогда другой саньяси, приведший царя, сказал ему: «Пойдем за ними», и они последовали за ними, но на значительном расстоянии. Молодой саньяси, отказавшийся жениться на царевне, вышел из города, и, когда он дошел до леса в нескольких милях от города, царевна последовала за ним, и двое других тоже. Молодой саньяси хорошо знал этот лес и все запутанные тропинки в нем; он неожиданно свернул на одну из этих тропинок и скрылся, так что царевна не могла найти его. После долгих и бесполезных попыток найти его, она села под деревом и начала плакать, потому что не знала, как выйти из леса. Тогда царь и другой саньяси, подойдя к ней, сказали: «Не плачь, мы покажем тебе, как выйти из леса, но теперь слишком темно, и мы не найдем дороги. Вот большое дерево, отдохни под ним, и рано утром мы покажем тебе дорогу».

На этом дереве жила в гнезде маленькая птичка с самкой и тремя птенцами. Эта птичка взглянула вниз и, увидев трех людей под деревом, сказала своей жене: «Милая, что нам делать; в нашем доме гости; теперь зима, и у нас нет огня». Она вылетела из гнезда, достала горящую щепку, принесла ее в клюве и бросила ее гостям; те собрали топлива и развели большой огонь. Но птичка не была еще довольна. Она опять сказала своей жене: «Милая, как нам быть? Нам нечем накормить этих людей, а они голодны! Мы хозяева, и наш долг кормить всех, кто приходит к нашему дому. Я сделаю, что могу; я отдам им свое тело». И с этими словами птичка бросилась в огонь и сгорела. Люди видели, как она упала в огонь, и попытались спасти ее, но было поздно.

Самка видела, что сделал ее супруг, и сказала: «Их трое, и на всех троих у них только одна маленькая птичка. Этого мало; я не могу допустить, чтобы поступок моего супруга оказался напрасным; отдам я им и свое тело». С этими словами она сама бросилась в огонь и тоже сгорела.

Тогда трое птенцов, видевших происшедшее и заметивших, что все-таки мало было пищи для гостей, сказали: «Наши родители сделали что могли, и все же этого недостаточно. Наш долг — продолжать дела наших родителей; отдадим и мы наши тела». И все они бросились в огонь.

Трое людей, изумленные тем, что они видели, не могли, разу-

меется, есть этих птиц. Они провели ночь без пищи, и утром царь и саньяси показали дорогу царевне, и она вернулась к отцу.

Когда они возвращались домой, саньяси сказал царю: «Царь, ты видел, что каждый велик на своем месте. Если ты хочешь жить в мире, живи как эти птички, и будь всегда готов во всякий момент пожертвовать собой для других. Если ты хочешь отречься от мира, будь подобен этому молодому человеку, для которого самая прекрасная женщина и целое царство были ничто. Если хочешь быть мирским человеком, пусть вся твоя жизнь будет жертвой для других. Каждый велик на своем месте, но долг одного не может быть долгом другого».

Глава III

СЕКРЕТ ТРУДА

Помогать другим физически, удовлетворяя физические нужды,— дело действительно великое, но помощь тем ценнее, чем больше нужда и чем, следовательно, больше значения имеет помощь. Если потребности человека могут быть удовлетворены на один час, то этим ему действительно оказывается помощь; если — на целый год, то оказанная помощь еще значительнее, но если его потребности могут быть удовлетворены на всю жизнь, это, конечно, будет самая большая помощь, какая только может быть ему дана. Духовное знание есть единственное, что может уничтожить наши несчастья навсегда. Всякое другое знание удовлетворяет наши нужды лишь временно. Только с приобретением духовного знания уничтожается навсегда это способность нуждаться. Поэтому духовная помощь человеку — это самая большая помощь, какая только может быть ему оказана. Тот, кто дает людям духовное знание, есть в действительности благодетель человечества. И мы видим, что самые могущественные люди были именно те, которые помогали человеку в его духовных нуждах, потому что духовность есть истинное основание всей деятельности нашей жизни. Духовно сильный и здоровый человек будет силен и во всех других отношениях, если он того пожелает. Пока человек не обладает духовной силой, даже его физические потребности не могут быть надлежащим образом удовлетворены. Вслед за духовной помощью идет интеллектуальная помощь; дар знания гораздо выше дара пищи или одежды; он даже выше дара жизни ввиду того, что истинная жизнь человека состоит в знании; незнание — смерть, знание — жизнь. Но жизнь имеет очень малую ценность, если она проходит во тьме, в невежестве и скорби. Следующей по порядку идет, конечно, физическая помощь человеку. Следовательно, рассматривая вопрос об оказании помощи другим, мы всегда должны остерегаться ошибки думать, что физическая помощь — единственная, которую можно оказать; она не

только последняя, но и самая незначительная, так как не может дать длительного удовлетворения. Страдание, испытываемое при голоде, проходит, как только я его удовлетворяю, но голод возвращается. Мои страдания прекратятся только тогда, когда я буду удовлетворен навсегда. Тогда и голод не сделает меня несчастным; никакое страдание или горе не способны будут меня расстроить. Таким образом, наивысшая помощь есть та, которая укрепляет нас духовно; за ней идет помощь уму, а уже затем физическая.

Горести мира не могут быть устранены одной лишь физической помощью; пока не изменится человеческая природа, физические потребности будут все время возникать, и от их неудовлетворения люди всегда будут чувствовать себя несчастными, и никакое количество физической помощи им не поможет. Единственное решение этой проблемы заключается в том, чтобы сделать людей чище. Невежество — мать всех зол и всех несчастий, которые мы видим. Когда люди увидят свет, когда они станут чистыми и духовно сильными и знающими, только тогда несчастье исчезнет из мира, но не раньше. Мы можем превратить каждый дом в стране в богадельню, покрыть ее больницами, но горе человеческое все же будет продолжать существовать, пока не изменится характер человека.

В Бхагавадгите постоянно повторяется, что все мы должны неустанно работать. Всякий труд по природе своей состоит из добра и зла. Нет работы, которая где-нибудь не принесла бы пользы; нет работы, которая кому-нибудь не принесла бы вреда. Всякая работа неизбежно является соединением добра и зла; однако мы должны работать непрерывно. И добро и зло, заключенные в работе, дадут свои результаты, создадут свою Карму. Доброе действие отразится на нас добром; злое действие отразится злом. Но и добро и зло — цепи для души. Решение, которого достигает Бхагавадгита по отношению к этой, создающей оковы, природе труда, заключается в том, что мы не должны привязывать себя к работе, которую мы делаем. Тогда она не свяжет нашу душу. Мы должны стараться понять, что значит эта «непривязанность» к работе.

Такова главная идея, проходящая через Бхагавадгиту: работайте неустанно, но не будьте привязаны к работе. Слово «самскара» можно довольно точно передать выражением «врожденная склонность». Пользуясь сравнением ума с озером, можно сказать, что в уме всякое волнение, затихая, не проходит совершенно, а оставляет след и возможность в будущем снова появиться. Этот след и возможность нового появления волн, прошедших в уме, и есть то, что называется самскара. Каждая работа, которую мы делаем, каждое движение тела, каждая мысль оставляют свое впечатление на уме, и, даже когда такие впечатления не видны, они всегда достаточно сильны, чтобы действовать в глубине ума, подсознательно. То, что мы представляем собой в каждую данную минуту, обусловливается общим итогом этих впечатлений ума.

То, что я представляю собой в настоящий момент, есть результат общего действия всех впечатлений моей прошлой жизни. Этот результат и называется характером; характер каждого человека определяется общим итогом всех его предыдущих впечатлений. Если преобладают хорошие впечатления, характер становится хорошим; при преобладании дурных — он становится дурным. Если человек постоянно слышит дурные слова, думает дурные мысли, совершает дурные поступки, то ум его будет полон дурных впечатлений, и они будут влиять на мысли и дела человека без его осознания этого факта. Дурные впечатления всегда деятельны, и влияние их должно по необходимости быть дурно, и человек дурных впечатлений будет дурным помимо своей воли; общая сумма его впечатлений создаст в нем сильное побуждение к совершению дурных поступков; он будет как бы орудием этих впечатлений, и они будут принуждать его делать зло. Подобным образом, если человек думает хорошие мысли и делает хорошие дела, общая сумма оставляемых этими делами и мыслями впечатлений будет хорошей; и она будет заставлять его делать добро, даже против его самого. Когда человек думал столько хороших мыслей и сделал столько добрых дел, что в нем является непреодолимое стремление делать добро, то его ум, как общая сумма этих стремлений, не позволит ему делать зло, если бы даже он хотел этого. Внутренние склонности человека остановят его; он уже вполне под властью добрых наклонностей. В таких случаях говорят, что у человека вполне установился хороший характер.

Как черепаха прячет голову и лапы под свою чешую, и можно ее убить или разбить на куски, но она все-таки не выйдет, так характер человека, властвующего над своими побуждениями и органами, установлен навсегда. Он управляет своими собственными внутренними силами, и ничто не может их вызвать наружу против его воли. Путем этого постоянного отражения хороших мыслей, хороших впечатлений на поверхности ума, склонность к совершению добра крепнет, и в результате мы чувствуем себя в силах управлять органами чувств, нервными центрами. Таким только образом устанавливается характер; таким только путем человек достигает истины, тогда человек навеки в безопасности; он не может делать зло; он может быть в каком угодно обществе, и для него не будет в этом опасности. Существует стадия еще выше этой склонности к добру: это — желание освобождения. Вы должны помнить, что свобода души есть цель всех Йог, и каждая Йога одинаково ведет к этому результату. Одним трудом человек может достигнуть того, чего Будда достиг главным образом медитацией, а Христос — молитвой. Будда был Джнани; Христос был Бхакта, но оба они достигли той же цели.

Освобождение означает полную свободу — свободу от оков добра так же, как и от оков зла. Золотая цепь не менее крепка, чем железная. В моем пальце сидит колючка терна, и я беру другую колючку, стараясь второю вытащить первую; затем выбрасы-

ваю обе; мне незачем хранить вторую колючку, потому что обе они — только колючки. Так и дурные склонности следует вытеснять добрыми и дурные впечатления ума следует удалять свежими волнами хороших, пока все дурное почти исчезнет или будет подавлено и будет находиться под строгим контролем в дальней части ума. Но после этого хорошие наклонности тоже следует победить. Таким образом, человек «привязанный» становится «непривязанным». Работайте, но не позволяйте делу или мысли производить глубокое впечатление на ум; пусть эти впечатления, как волны, приходят и уходят. Пускай огромные результаты получаются от работы мускулов и мозга, но не позволяйте им производить глубокое впечатление на душу. Как это сделать? Мы ведь видим, что отпечаток всякого действия, к которому мы привязаны, сохраняется.

Я могу встретить сотни людей в течение дня и среди них одного человека, которого я люблю. Предположим, что, ложась спать, я стараюсь вспомнить все виденные мною лица, но лишь одно лицо встает передо мною — то лицо, которое я видел, может быть, лишь одну минуту, но то, которое я люблю. Все же остальные лица исчезли. Моя привязанность к этому человеку создала более сильные впечатления от его лица, чем от всех других. Физиологически все впечатления были одинаковы; каждое лицо, виденное мною, отразилось на сетчатой оболочке глаза, и мозг воспринял образы, однако однородности впечатлений не получилось. Большинство лиц были, может быть, совершенно новы, о них я ровно никогда не думал, но это одно лицо, лишь мельком увиденное мною, нашло во мне известные ассоциации. Может быть, я годами представлял его себе, знал многое о нем и когда его увидел, оно пробудило тысячу дремлющих воспоминаний в моем уме; и это одно впечатление произвело более сильное действие на ум.

Поэтому не привязывайтесь ни к чему; предоставьте всему идти своим порядком; пускай ваши мозговые центры работают: работайте непрерывно, но не позволяйте впечатлениям, получаемым от работы, победить ваш ум. Работайте, как будто вы чужие люди в этой стране, пришедшие сюда только на время; работайте, но ничем не связывайте себя; всякое иго ужасно. Этот мир — не наше настоящее место жительства; это только один из этапов, через которые мы должны пройти. Помните великое изречение философии Санкхья: «Вся природа для души, а не душа для природы». Природа и существует только для воспитания души, иного смысла в ней нет; она существует, потому что душа должна обладать знанием и через знание освобождаться. Если мы всегда это будем помнить, мы никогда не станем «привязаны» к природе; мы будем знать, что природа — это книга, которую мы должны прочесть, и что, когда мы приобретем настоящее знание, книга потеряет для нас свое значение. Вместо этого, однако, мы отождествляем себя с природой; мы думаем, что душа для природы и дух для тела, и, как говорит ходячее выражение, мы думаем, что человек «живет для того, чтобы есть», а не «ест для того, чтобы жить». Мы постоянно впадаем

в эту ошибку; мы смотрим на природу как на самих себя и привязываемся к ней, а это пристрастие производит глубокое впечатление на душу, связывающее нас и заставляющее нас работать не для свободы, а для рабства.

Вся суть этого учения состоит в том, чтобы мы работали как вольные х о з я е в а, а не как р а б ы. Работайте непрерывно, но пускай ваша работа не будет трудом рабов. Разве вы не видите, как все работают? Никто не может быть совершенно бездеятелен. 99% человечества работает как рабы, и результатом такой работы является несчастье; все это — эгоистическая работа. Работайте свободно. Работайте в любви. Трудно понять слово л ю б о в ь; любовь никогда не приходит, если нет свободы. В рабе не может быть истинной любви. Если вы купите раба, закуете его в цепи и заставите его работать на вас, он будет трудиться как машина, но любви в нем не будет. Так и мы, когда трудимся для приобретения мирских благ как рабы, то любви в нас быть не может и наш труд — не истинный труд. Это одинаково правильно как относительно работы, которую вы выполняете для родственников и друзей, так и относительно работы, выполняемой вами для себя. Эгоистическая работа — работа рабская; и вот пробный камень ее. Всякое деяние любви приносит счастье; нет того акта любви, который не приносил бы с собой мира и внутреннего довольства. Реальное бытие, реальное знание и реальная любовь вечно соединены одно с другим — три составляют одно. Где есть одно, там должны быть также и другие. Это три проявления аспекта единого Бытия — Знания — Блаженства. Когда это бытие становится относительным, мы видим его как мир. Это знание, в свою очередь, видоизменяется в знание мирских вещей. Это блаженство составляет основу всякой истинной любви, испытываемой сердцем человеческим. Поэтому истинная любовь никогда не может причинить страдания ни тому, кто любит, ни тому, кого любят. Предположим, что мужчина любит женщину. Он желает обладать ею как своей исключительной собственностью и ревниво относится к каждому ее движению; он хочет, чтобы она все время сидела около него, стояла рядом с ним, ела и двигалась по его желанию. Он — ее раб и хочет, чтобы и она была его рабыней. Это не любовь; это нечто вроде тяжелой привязанности раба, притворяющейся любовью. Это чувство не может быть любовью, потому что оно тягостно. Если женщина не делает того, чего он хочет, это приносит такому человеку страдание. Но в настоящей любви нет тяжелой реакции; любовь приносит лишь реакцию блаженства; в противном случае это не любовь, а что-то другое, ошибочно принимаемое за любовь. Когда вам удается любить близких людей и весь мир, всю Вселенную таким образом, чтобы в вас не возникало реакции ревности или страдания, тогда вы близки к состоянию «непривязанности».

Кришна говорил: «Смотри на меня, Арджуна. Если я на один момент перестану работать, вся Вселенная должна будет умереть. Моя работа ничего не приносит; я — единый Господь; почему же я

работаю? Потому что я люблю мир». Бог ни к чему не привязан, потому что Он любит; истинная любовь делает нас непривязанными. Где есть привязанность, прикрепленность к земным вещам, вы должны знать, что это просто физическое влечение одних частиц материи к другим. Это есть нечто, что притягивает два тела одно к другому и создает в обоих страдание, если они не могут сблизиться. Но где есть реальная любовь, она не зависит от физической привязанности. Люди могут любить друг друга, находясь на расстоянии тысячи миль. Любовь их не изменяется; она не умрет и никогда не создаст страданий.

Для того чтобы достигнуть состояния «непривязанности», потребуется, может быть, работа целой жизни; но, достигнув этой высоты, мы достигаем и цели любви и становимся свободными; рабство природы спадает с нас, и мы видим природу такою, какая она есть. Она больше не кует цепей для нас. Мы совершенно свободны и, работая, не думаем о результатах работы для себя. Кто тогда думает о результатах?

Требуете ли вы чего-нибудь от ваших детей взамен того, что вы им дали? Ваш долг работать на них, и здесь дело кончается. Когда вы делаете что-нибудь для другого человека, для города, в котором живете, для государства, старайтесь занять такое же положение, как по отношению к своим детям, и ничего не ожидайте взамен. Если вы будете неизменно занимать положение дающего и все, что вы даете, будет свободно по отношению к миру, без всякой мысли о награде, тогда ваша работа не создает вам «привязанности». Привязанность к результатам работы является только у того, кто ожидает награды.

Если труд, подобный труду рабов, дает в результате эгоизм и привязанность, то труд господина своего разума создает блаженство «непривязанности». Мы часто говорим о праве и справедливости, но мы находим, что в мире право и справедливость — это только детский разговор. Есть две вещи, которые управляют действиями людей: сила (власть) и милосердие. Проявление власти есть неизменно проявление эгоизма. Все люди стараются извлечь возможно больше пользы из той власти, которой они обладают. Милосердие — это само небо; чтобы быть хорошими, мы все должны быть милосердными. Даже право и правосудие должны основываться на милосердии. Всякий помысел о награде за работу препятствует нашему росту и в конце концов приносит страдание. Эта идея милости и бескорыстного милосердия может быть осуществлена еще и иным путем: при условии веры в личного Бога, всякая работа может быть совершаема как молитва. В этом случае мы как бы кладем к ногам Господним все плоды нашей работы, и, служа Ему таким образом, мы уже не имеем права ожидать чего-либо от людей в воздаяние за наш труд. Сам Господь трудится непрерывно и не имеет ни к чему личной привязанности. Как вода не может замочить лист лотоса, так и работа не может связать бескорыстного человека, заставив его стремиться к результатам для

себя. Бескорыстный и ни к чему не привязанный лично человек может жить среди густо населенного греховного города, и грех не коснется его.

Эта идея полного самоотречения иллюстрирована в следующем рассказе. После битвы на Курукшетре пять братьев Пандава совершили большое жертвоприношение и принесли очень большие дары для бедных. Все выражали изумление по поводу величины и богатства жертвы, говоря, что мир не видывал никогда ничего подобного. Но, по совершении обряда, явился маленький мангуст — животное вроде кошки. Половина тела его была золотая, другая половина темная; он начал кататься по полу в жертвенном зале и сказал присутствующим: «Все вы лжете; это не жертва».— «Как,— воскликнули они,— ты говоришь: это не жертва,— но разве ты не знаешь, сколько денег и драгоценностей отдано бедным и сколько людей стало богатыми и счастливыми? Эта самая удивительная жертва, какую совершал человек». Но мангуст сказал: «В одной деревушке жил бедный брамин со своей женой, сыном и женою сына. Они были очень бедны, жили скудными дарами, приносимыми им за проповедь и учение. В стране этой настал трехлетний голод, и бедный брамин страдал более, чем когда-либо. Семья голодала уже несколько дней, когда, наконец, отец принес в одно прекрасное утро немного муки, которую ему посчастливилось достать. И он разделил ее на четыре части между членами семьи. Не успели они сесть за еду, как кто-то постучался в дверь. Отец открыл дверь; за ней стоял гость. В Индии гость священное лицо; он считается как бы богом, и с ним обращаются как с таковым. Поэтому бедный брамин сказал: «Войди, господин, мы тебя приветствуем». Он поставил перед гостем свою часть пищи; гость быстро ее съел и сказал: «О господин, ты убил меня, я голодал уже десять дней, и это маленькое количество пищи только увеличило мой голод». Тогда жена сказала мужу: «Отдай ему и мою часть», но муж ответил: «Нет, не дам». Жена настаивала, говоря: «Он — бедный человек, и наш долг, как хозяев, позаботиться, чтобы он был сыт. Раз у тебя больше нет, то моя обязанность — как твоей жены — отдать ему свою часть». И она отдала свою часть гостю. Он съел, что ему дали, и сказал, что его по-прежнему мучает голод. Тогда сын сказал: «Возьми и мою часть; сын обязан помогать отцу в исполнении его долга». Гость съел и его часть, но голод его все же не был утолен; тогда и жена сына уступила ему свою часть. Гость насытился и ушел, благословляя их. В ту же ночь эти четверо людей умерли с голода. Несколько пылинок этой муки упали на пол, и, когда я покатился по полу, я стал наполовину золотым, как вы видите. С тех пор я хожу по всему свету, надеясь найти другую такую жертву, но нигде не нахожу, поэтому другая половина моего тела не превращается в золотую. Потому-то я и говорю, что это не жертва».

Такое представление о милосердии теперь уже исчезает в Индии; великие люди встречаются все реже и реже. Когда я учился

английскому языку, я прочел в одной книге рассказ о мальчике, отправившемся на работу и оставившем матери немного денег. И за это его хвалили на четырех страницах. В чем здесь дело? Ни один индусский мальчик никогда не понял бы морали этой истории. Теперь я понимаю ее, зная западную точку зрения! Каждый человек сам за себя, потому что, действительно, некоторые люди берут все для себя, а их отцы и матери, жены и дети могут делать, что хотят.

Теперь вы видите, что такое Карма-Йога: помогать не рассуждая, глядя даже смерти в лицо. Хотя бы вас обманывали миллионы раз, не спрашивайте ничего и не думайте о том, что вы делаете. Не хвалитесь своей щедростью к бедным и не ждите от них благодарности; скорей будьте им благодарны за то, что они дают вам случай проявить на них свое милосердие. Совершенно ясно, что быть идеальным человеком, живя в миру, гораздо более трудная задача, чем быть идеальным саньяси. Истинная жизнь труда так же тяжела, если не тяжелее, чем истинная жизнь отречения.

Глава IV

ЧТО ТАКОЕ ДОЛГ

Необходимо, изучая Карма-Йогу, определить, что такое долг. Если мне предстоит что-нибудь сделать, я прежде всего должен знать, что это мой долг, и тогда я могу делать это. Идея долга различна у разных народов. Магометанин говорит, что его долг — это то, что написано в Коране; индус говорит, что его долг то, что написано в Ведах, и христианин говорит, что его долг то, что сказано в Евангелии. Мы находим, что существуют различные идеи долга, меняющиеся соответственно различным положениям в жизни, историческим периодам и национальностям. Точно определить термин д о л г, подобно всякому другому отвлеченному понятию, невозможно. Мы можем составить себе идею долга, только зная его практическое действие и результаты. Когда перед нами случаются известные вещи, в нас возникает естественный или воспитанный импульс действовать по отношению к ним известным образом. Когда этот импульс приходит, ум начинает обдумывать положение. Иногда он находит, что в данных условиях можно действовать известным образом. В других случаях он находит, что действовать известным образом будет неправильно при каких бы то ни было обстоятельствах. Обыкновенная идея долга везде состоит в том, чтобы следовать велениям своей совести. Но что делает известный род отношений долгом? Если христианин, умирая с голоду и имея кусок мяса, не съест его для спасения своей жизни, или если он не даст этот кусок мяса голодному, чтобы спасти его жизнь, он,

конечно, будет чувствовать, что не исполнил своего долга. Но если индус в таком же положении сам осмелится съесть кусок мяса или даст его другому индусу, он одинаково будет чувствовать, что не исполнил своего долга; все воспитание индуса заставляет его думать так. В прошлом столетии в Индии были знаменитые шайки разбойников, именуемые Тугами; они считали своим долгом убивать каждого встречного человека и отнимать у него деньги. Чем большее количество людей они убивали, тем добродетельнее они себя считали. Если человек выйдет на улицу и застрелит другого человека, он может жалеть об этом, думая, что поступил дурно. Но если тот же самый человек будет солдатом и убьет не одного человека, а двадцать, он будет чувствовать радость и будет думать, что особенно хорошо исполнил свой долг. Мы видим из этого, что долг определяется не тем, что сделано. И объективно определить, что такое долг, совершенно невозможно. Что такое долг, ясно только с субъективной стороны. Всякое действие, которое возвышает нас и приближает к Богу, есть хорошее действие и наш долг. Всякое действие, влекущее нас вниз,— дурно и не является нашим долгом. С субъективной точки зрения мы видим, что некоторые поступки унижают нас и делают более грубыми. Но невозможно определить точно, какие поступки имеют какое значение для людей, находящихся в разных условиях и положениях. Существует только одна идея долга, которая всегда была принята всем человечеством и которая вся выражается в одном афоризме на санскритском языке: «Не наноси вреда ни одному существу; это — добродетель; нанесение вреда — грех».

Бхагавадгита часто говорит об обязанностях, связанных с положением в обществе и в жизни. Условия, в которых человек родится, и положение, которое он занимает, в значительной степени определяют его умственное и моральное отношение к различным формам деятельности. Поэтому долг каждого заключается в том, чтобы делать то дело, которое будет возвышать и облагораживать его в соответствии с идеалами того народа или общественного слоя, к которому он принадлежит. Но не надо забывать, что в разных обществах и странах господствуют не одинаковые идеалы. Постоянное забвение этого факта является главной причиной ненависти между народами. Американец думает, что то, что делают американцы согласно обычаю своей страны, есть самое лучшее, и что тот, кто не следует этим обычаям,— дурной человек. Индус думает, что его обычаи — единственно правильные и лучшие в мире, и что тот, кто не исполняет их,— дурной человек. Это совершенно естественная ошибка, которую все склонны делать. Но эта ошибка приносит много вреда. Она является причиной очень большого количества недружелюбия, существующего в мире. Когда я приехал в Америку и осматривал Чикагскую выставку, какой-то человек дернул меня сзади за тюрбан. Я обернулся и, увидев, что это был хорошо одетый, приличного вида господин, спросил его, что ему нужно. Увидя, что я говорю по-английски, он был очень

сконфужен. Другой раз на той же выставке другой человек толкнул меня. Когда я спросил его, зачем он это делает, он также был очень сконфужен и, извинясь, пробормотал: «А зачем вы так одеваетесь?». Доброе расположение этих людей заключено было в рамки собственного языка и собственных обычаев. Давление сильных наций на более слабые в значительной мере обусловлено этим предрассудком, уничтожающим братское отношение к ближнему. Человек, спросивший меня, почему я одеваюсь иначе, чем он, и вследствие этого грубо со мной обошедшийся, был, может быть, очень добрым человеком, хорошим отцом и прекрасным гражданином, но добродушие его замолкло, как только он увидел человека, одетого в другое платье. Иностранцев эксплуатируют во всех странах, потому что они не умеют себя защитить; вследствие этого они уносят с собой неверные впечатления о тех народах, среди которых они были. Матросы, солдаты и купцы держат себя очень странно в чужих краях, хотя им и в голову не пришло бы вести себя таким же образом на родине,— потому, может быть, китайцы и называют американцев и европейцев «заморскими дьяволами»; они не делали бы этого, если бы видели хорошие стороны западной жизни.

Нам надо, следовательно, запомнить, что мы должны всегда стараться видеть обязанности других с их точки зрения и никогда не судить об обычаях народов по нашей собственной мерке. Необходимо помнить, что мои обычаи не могут быть мерилом для обычаев всей Вселенной. Я должен приспособляться к миру, а не мир должен приспособляться ко мне. Итак, мы видим, что внешние условия изменяют природу наших обязанностей, и лучшее, что мы можем сделать в мире, это — исполнить долг, налагаемый на нас в каждое данное время. Исполним долг, вменяемый нам нашим рождением, затем исполним долг, наложенный на нас нашим положением в жизни и в обществе. В человеческой природе кроется, однако, одна большая опасность, а именно: человек никогда самого себя не изучает. Он полагается, что он не менее способен занимать престол, чем король. Хотя бы он действительно и был на это способен, он все же должен сперва доказать, что он исполняет свой долг на своем месте, тогда к нему могут прийти более высокие обязанности. Как только мы принимаемся за серьезную работу в мире, природа повторными ударами заставляет нас быстро найти свое настоящее место. Ни один человек не может долгое время без вреда для себя и окружающих занимать положение, к которому он не приспособлен. Бесполезно роптать на природу, указывающую нам наше место. Человек, делающий низменную работу, сам вследствие этого не делается низким. Нельзя судить о человеке по природе и свойствам его обязанностей, но можно судить по тому, как он их исполняет.

Впоследствии мы увидим, что и это понятие о долге подлежит изменению, и что самая великая работа совершается только тогда, когда за ней не стоят никакие эгоистические моти-

вы. Тем не менее работа, основанная на чувстве долга, приводит нас к работе, которая перестает быть долгом. Тогда всякая работа делается служением тому Богу, в которого человек верит, и совершается как бы сама для себя, а не ради посторонних результатов.

Мы находим, что философия долга, как в форме этики, так и в чисто эмоциональных проявлениях, одинакова во всех Йогах. Ее цель заключается в ослаблении низшего «Я» для того, чтобы могло проявиться реальное, высшее «Я». Философия долга стремится уменьшить бесполезную трату энергии на низшей плоскости бытия для того, чтобы душа могла проявляться на высших плоскостях. Это достигается благодаря постоянному уничтожению низших желаний, чего строго требует философия долга. Таким путем, сознательно или бессознательно, развивался весь строй общества в областях деятельности и опыта, где, ограничивая эгоизм, мы открываем путь к беспредельному расширению истинной природы человека.

Долг редко бывает сладок. Путь его гладок, лишь когда он движим любовью, при отсутствии же ее получается постоянное трение. Иначе, как могли бы родители исполнять свой долг относительно детей, мужья относительно жен и наоборот? Разве мы не встречаемся со случаями такого трения каждый день. Долг сладок, лишь когда ему сопутствует любовь, а любовь сияет лишь — в свободе. Но разве можно назвать свободой рабство, в котором мы часто находимся у гнева, у ревности и у сотен других мелочей, занимающих наше внимание в течение дня. Во всех этих шероховатостях, встречаемых нами в жизни, высшее выражение свободы заключается в том, чтобы совсем не реагировать на них. Очень часто женщины, находящиеся в рабстве у своего раздражительного и ревнивого характера, склонны обвинять своих мужей и стремиться к тому, что им кажется свободой. Но они не понимают, что этим они только подчеркивают свое рабство. В таком же положении находятся мужья, вечно находящие недостатки у своих жен.

Целомудрие — первая добродетель в мужчине и женщине, и редко можно найти человека, который не мог бы быть возвращен на правый путь кроткой, любящей и целомудренной женой, как бы далеко он от него ни уклонился. Мир еще не настолько испорчен. Мы много слышим о грубых мужьях и о развращенности мужчин, но разве нет столь же грубых и развращенных женщин? Если бы все женщины были так добры и чисты, как можно было бы предполагать, судя по их собственным постоянным утверждениям, то я убежден, что не было бы ни одного развращенного мужчины в мире. Нет той грубости, которая не могла бы быть побеждена кротостью и целомудрием. Добрая и целомудренная женщина, взирающая на каждого мужчину, кроме своего мужа, как на своего ребенка и проявляющая к ним материнское отношение, приобрела бы такую огромную силу от своей чистоты, что не было

бы ни одного мужчины, как бы груб он ни был, который не чувствовал бы в ее присутствии, что он вдыхает атмосферу святости. Точно так же и каждый мужчина должен смотреть на всех женщин, кроме своей жены, как на мать, дочь или сестру. И человек, стремящийся быть религиозным учителем, должен смотреть на каждую женщину как на свою мать и обращаться с ней соответствующим образом.

Положение матери — высшее в мире, так как это место, на котором можно научиться высшему бескорыстию и проявлять его. Любовь к Богу — единственная любовь, которая выше материнской любви; все остальные виды любви ниже. Долг матери думать сначала о своих детях, а затем о себе. Но если вместо этого родители всегда думают сначала о себе, то результатом будет то, что отношения между родителями и детьми станут такими же, какие бывают между птицами и их птенцами, не узнающими своих родителей, как только немного подрастут. Благословен мужчина, способный смотреть на женщину как на представительницу Материнства Бога, и благословенна женщина, для которой мужчина представляет собой Отцовство Бога. Благословенны дети, которые смотрят на своих родителей как на проявление Бога на земле.

Единственный способ восхождения состоит в исполнении ближайшего, очередного долга. Приобретая таким образом силу, мы постепенно достигаем наивысшего состояния. Один молодой саньяси удалился в лес; там он размышлял долгое время, молился и занимался Йогой. После многих лет упорного труда и суровой жизни, он сидел раз под деревом. Несколько сухих листьев упали ему на голову. Подняв глаза, он увидел ворона и журавля, вступивших в драку на верхушке дерева. Это его очень рассердило. Он сказал: «Как вы смеете бросать сухие листья мне на голову?». Когда он при этих словах с гневом взглянул на них, из него вырвался как бы язык пламени, который сжег обеих птиц, превратив их в пепел. Он был в восторге от этого проявления своей силы; он одним взглядом мог сжечь птиц. Некоторое время спустя ему пришлось пойти в город просить милостыню. Он подошел к одной двери и сказал: «Мать, дай мне пищи». Голос изнутри ответил: «Подожди немного, сын мой». Молодой человек подумал: «Ах ты, скверная женщина! Как ты смеешь заставлять меня ждать? Ты не знаешь еще моей силы». Но тут снова послышался тот же голос: «Молодой человек, не превозносись! Здесь нет ворон». Он удивился. Подождать ему, однако, еще пришлось. Наконец, женщина вышла; он бросился к ее ногам и сказал: «Мать, как ты это узнала?». Она ответила: «Сын мой, я не знаю вашей Йоги и твоих упражнений. Я самая заурядная женщина. Я заставила тебя ждать, потому что муж мой болен и я ухаживала за ним. Всю мою жизнь я всеми силами старалась исполнить свой долг. Когда я была девушкой, я исполняла свои обязанности относительно родителей; выйдя замуж, я исполняю свой долг от-

носительно мужа; вот и вся моя Йога, но по мере того как я исполняла свой долг, на меня сходило просветление, поэтому я и могла прочесть твои мысли и знала, что ты сделал в лесу. Если ты хочешь узнать нечто еще высшее, пойди на площадь, которую я тебе укажу; ты увидишь там одного вьядху[1], и он тебе скажет нечто, что ты рад будешь узнать». Саньяси подумал: «Зачем мне идти в этот город и к вьядху?». Но после того, что он увидел, ум его несколько просветлел, и он пошел в указанный город, нашел площадь и издали увидел высокого, толстого вьядху, который, разговаривая и торгуясь с народом, резал мясо большими ножами. Молодой человек сказал: «Помоги мне, Господи! Неужели я могу чему-нибудь научиться у этого человека? Он не что иное, как воплощение дьявола». Между тем человек поднял голову и сказал: «О Свами, тебя послала эта женщина. Присядь, пока я кончу свое дело». Саньяси подумал: «Что это значит?». Он сел, а мясник продолжал свое дело и, закончив его, собрал деньги и сказал саньяси: «Пойдем со мной домой». Дойдя до дома, вьядха предложил ему сесть, сказав: «Подожди здесь», а сам вошел в дом. Затем он вымыл своих старых отца и мать, накормил их и сделал все возможное, чтобы удовлетворить их, после чего он пришел к саньяси и сказал: «Ты пришел ко мне. Чем я могу быть тебе полезен?». Саньяси предложил ему несколько вопросов, касающихся души и Бога, а вьядха прочел ему лекцию, составляющую часть Махабхараты, именуемую Вьядхагита. Она содержит одно из высочайших учений Веданты. Когда вьядха замолк, саньяси удивился и спросил: «Почему ты находишься в таком теле? Почему, обладая таким знанием, ты имеешь тело вьядхи и занимаешься таким грязным, скверным ремеслом?».— «Сын мой,— отвечал вьядха,— не существует грязной и скверной обязанности. По своему рождению я поставлен в эти условия. В детстве я научился этому ремеслу; я не привязан к нему, но стараюсь выполнять его хорошо. Я стараюсь исполнить свои обязанности семьянина и стараюсь сделать отца и мать счастливыми, насколько могу. Я не знаю твоей Йоги и не сделался саньяси; не удалился я также из мира в леса; тем не менее все, что ты видел и слышал, пришло ко мне в силу бесстрастного исполнения мною своих обязанностей, присущих моему положению».

В Индии живет мудрец, великий йог, один из самых замечательных людей, когда-либо виденных мною. Он человек странный; на вопросы он не отвечает и не занимается учительством. Если вы предложите ему вопрос и подождете несколько дней, он в разговоре коснется этой темы и прольет на нее необычайный свет. Он сказал мне однажды, в чем состоит тайна труда: «Соедини цель и средства воедино. Когда ты делаешь какую-нибудь работу, не думай ни о чем, кроме нее. Твори ее, как высшую молитву, и

[1] Самый низший класс в Индии, состоящий из охотников и мясников.

посвящай ей всю свою жизнь, пока ты ее делаешь». Так, в предшествующем рассказе, вьядха и женщина исполняли свое дело цельно и бодро; в результате они стали просветленными, что ясно доказывает, что правильное исполнение обязанностей во всяком положении в жизни, при отсутствии пристрастия к результатам, приводит нас к осуществлению высшего совершенства души.

Только работник, привязанный к плодам своей деятельности, ропщет на обязанности, выпавшие на его долю в жизни; для работника, достигшего бесстрастия, все обязанности одинаково хороши и являются орудиями, которые убивают эгоизм и чувственность и обеспечивают свободу души. Мы все склонны думать слишком высоко о себе. Наши обязанности определяются нашими заслугами в гораздо большей мере, чем мы готовы признать. Соревнование порождает зависть и убивает благожелательность сердца. Для ропщущего человека все обязанности неприятны; ничто его не удовлетворяет, и вся его жизнь обречена на неудачу. Будем работать, исполняя попутно все, что приходит к нам, и будем всегда готовы приложить руку ко всему. Тогда мы, несомненно, узрим свет.

Глава V

МЫ ПОМОГАЕМ СЕБЕ, А НЕ МИРУ

Прежде чем обратиться к рассмотрению того, каким образом долг способствует нашему духовному росту, позвольте вкратце описать другой аспект того, что мы в Индии называем Кармой. Во всякой религии есть три части: философия, мифология и обрядность. Само собой разумеется, что философия является сущностью всякой религии; мифология разъясняет и иллюстрирует ее более или менее легендарными жизнеописаниями великих людей, рассказами о чудесных событиях и т. п.; обрядность придает этой философии еще более конкретную форму, низводя ее до общего понимания,— собственно говоря, обрядность есть конкретизированная философия. Обрядность это Карма; она необходима в каждой религии, потому что большинство из нас не способны еще воспринять духовные отвлеченности. Люди готовы думать, что они поймут все, что угодно, но, дойдя до практического опыта, они видят, что иногда очень трудно уразуметь отвлеченные духовные мысли. Поэтому символы являются для нас большой подмогой, и мы не можем обойтись без символического изображения идей. С незапамятных времен символы употреблялись всеми религиями. В известном смысле мы не можем думать иначе как символами, сами слова являются символами. С другой стороны, все в мире можно рассматривать как символ. Вся Вселенная — символ, и Бог есть та сущность, которая скрывается за ним. Этот род символизма —

не только создание человека; нельзя сказать, что некоторые люди, принадлежащие к одной и той же религии, совместно выдумывают определенные символы и вызывают их к жизни из собственных умов. Религиозные символы подвержены естественному росту. Как объяснить, что известные символы слиты с определенными идеями почти у всех народов? Иные из них почти всесветно распространены. Многие из вас, может быть, полагают, что крест как символ впервые появился в связи с христианской религией. В действительности он существовал до христианства и до рождения Моисея, до появления Вед, раньше появления какого бы то ни было человеческого сказания о человеческих событиях. Крест существовал еще у ацтеков и у финикийцев; каждая раса, по-видимому, имела символом крест. Точно так же символ распятого Спасителя, человека, распятого на кресте, был, оказывается, известен почти каждому народу. Круг был всегда великим символом во всем мире. Затем существует самый распространенный из всех символов — свастика: 卐. Одно время думали, что буддисты распространили ее по всему миру, но впоследствии оказалось, что она была в употреблении среди народов еще за многие века до возникновения буддизма. Она существовала в древнем Вавилоне и в Египте. Что это доказывает? Это доказывает то, что все эти символы не могли быть чисто условными. Должна была существовать какая-нибудь причина их возникновения, какая-нибудь естественная связь между ними и человеческим умом. Язык не есть результат условности: люди не соглашались выражать известные идеи известными словами; никогда не было идеи без соответственного слова и слова — без соответственной идеи: идеи и слова по природе своей нераздельны. Символы, изображающие идеи, могут быть красочными или звуковыми. Глухонемым приходится думать особыми, незвуковыми, символами; каждая мысль в уме имеет противовесом своим какую-нибудь форму; это называется в санскритской философии нама-рупа — название и форма. Так же невозможно создать условно систему символов, как невозможно искусственно создать язык. В мировых обрядовых символах мы имеем выражение религиозной мысли человечества. Легко утверждать, что не нужны обряды, и храмы, и все, тому подобное; каждый младенец лепечет это в наши дни, но не мудрено также и распознать, что те люди, которые молятся внутри храмов, во многих отношениях отличны от людей, которые храмов не посещают. Связь известных храмов, обрядов и культов с определенными религиями ведет к тому, что последователям этих религий передаются мысли, символизируемые данными конкретными формами. Совсем не мудро отвергать обряды и символы: изучение их и пользование ими также составляют часть Карма-Йоги.

Существует много других аспектов науки труда. Один из них есть знание отношения между мыслью и словом, именно знание того, что может быть достигнуто силою слова. Каждая религия признает силу слова, и даже в такой мере, что в некоторых из них само творение приписывается силе слова. Внешний аспект мысли Бога

есть Слово, ввиду того, что Бог, прежде чем творить, думал и хотел; поэтому творение вышло от Слова. Среди суеты и натиска нашей материалистической жизни нервы теряют чувствительность и притупляются; чем старше мы становимся, тем больше притупляется наш ум и тем больше мы склонны пренебрегать явлениями, упорно и неизменно повторяющимися вокруг нас. Однако человеческая природа иногда заявляет о себе, и мы начинаем удивляться некоторым обыденным событиям и принимаемся изучать их; таким образом, удивление является первым шагом к обретению света. Мы видим, что звуковые символы, помимо высшего философского и религиозного значения Слова, играют выдающуюся роль в человеческой жизни. Я говорю с вами, не трогая вас, но колебания воздуха, произведенные моей речью, проникают в ваше ухо, действуют на ваши нервы и производят определенное действие на ваш мозг. Вы не можете противиться этому. Что чудеснее этого? Один человек назовет другого глупцом; тот вскакивает с места, сжимает кулак и наносит тому удар по лицу. Такова сила слова. Одна женщина плачет и горюет; другая женщина подходит к ней и произносит несколько ободряющих слов; тогда склоненная женщина сразу выпрямляется, горе ее исчезает, и она уже начинает улыбаться. Какова опять-таки сила слов! Они составляют великую силу, как в высшей философии, так и в заурядной жизни. День и ночь мы орудуем этой силой, не останавливаясь мыслью на ней. Знание этой силы и умение владеть ею также составляет часть Карма-Йоги.

Наша обязанность к ближним заключается в том, чтобы делать добро миру. Зачем же нам делать добро? По-видимому, для того, чтобы помогать миру, но в действительности для того, чтобы помогать самим себе. Мы всегда должны стараться помогать миру; таково должно быть наше высшее побуждение; но при тщательном рассмотрении мы видим, что мир вовсе не нуждается в нашей помощи. Наш мир не был создан для того, чтобы мы с вами ему помогали. Я как-то читал одну проповедь, в которой было сказано: «Этот прекрасный мир очень хорош, потому что он предоставляет нам время и возможность помогать другим». Это, несомненно, прекрасное чувство, но не кощунством ли является мысль, что мир нуждается в ваших благодеяниях? Мы не можем отрицать того, что много в нем горя; поэтому приходить на помощь другим — лучшее, что мы можем сделать, хотя в конце концов мы увидим, что помощь другим является лишь помощью самим себе. В детстве у меня были белые мыши. Я их держал в коробке с вделанными в нее колесами, и, когда мыши наступали на колеса, они вертелись все время, и мыши никуда не могли уйти. Так и с миром, и с нашей помощью ему. Вся помощь состоит в том, что мы сами нравственно упражняемся. Этот мир не хорош и не дурен; каждый человек сам создает себе свой мир. Слепец, думая о мире, представляет его себе мягким или твердым, холодным или жарким. Мы представляем из себя совокупность счастья или горя; сотни раз в течение

жизни мы убеждаемся в этом. Обыкновенно молодые люди — оптимисты, старики — пессимисты. Молодые имеют впереди всю жизнь; старики жалуются на то, что миновали их красные дни; сотни неудовлетворимых желаний кипят в их сердцах. Однако и те, и другие неразумны. Жизнь кажется хорошей или дурной соответственно тому состоянию ума, которое бывает у нас при наблюдении; сама по себе жизнь — ни то, ни другое. Огонь сам по себе ни хорош, ни дурен. Когда он нас греет, мы говорим: «Как прекрасен огонь». Когда он обжигает нам пальцы, мы его браним. Все же сам по себе он ни хорош, ни дурен. Он кажется нам дурным или хорошим, смотря по тому, как мы им пользуемся. Точно так же и мир. Он совершенен, т. е. он в совершенстве приспособлен для предназначенной ему цели. Мы можем быть уверены в том, что он прекрасно будет существовать и без нас, и нам нечего ломать себе голову, как бы его облагодетельствовать.

Все же мы должны делать добро; желание делать добро является высочайшим мотивом в нас, если мы сознаем, что помощь другим дает большое преимущество. Не становитесь на пьедестал с пятаком в руке и не говорите нищему: «Возьми, бедняк», но будьте благодарны за то, что бедняк этот существует, и вы, подавая ему, можете помочь самому себе. Благословен не дающий, а получающий! Будьте благодарны за то, что вы можете упражнять в мире свою щедрость и свое милосердие и через это стать чистыми и совершенными. Всякий хороший поступок способствует нашему очищению и усовершенствованию. Что можем мы сделать в лучшем случае? Мы можем выстроить больницу, проложить дорогу или основать богадельню. Мы можем организовать комитет, собрать два или три миллиона долларов, на один миллион построить больницу, на второй — давать балы и пить шампанское, половину третьего позволить служащим растащить, а остальную половину раздать бедным, но какую ценность имеет все это? Один сильный порыв ветра может в пять минут разрушить все ваши здания. Одно вулканическое извержение сметет все ваши дороги, и больницы, и города, и дома. Оставим нелепые разговоры о благодетельствовании миру. Он не требует ни ваших, ни моих благодеяний, однако мы все же должны работать и неустанно делать добро, потому что это является благословением для нас самих. Это единственное средство стать совершенным. Ни один нищий, получивший подаяние от нас, не должен нам ни одной копейки; мы обязаны ему всем, потому что он дал нам возможность упражнять на нем свое милосердие. Совершенно неправильно думать, что мы можем благодетельствовать миру или что мы помогли людям; мысль эта неразумна, а всякая неразумная мысль приносит несчастье. Мы полагаем, что облагодетельствовали человека, и ждем от него благодарности, благодарности между тем нет — и мы несчастны. Зачем нам ждать чего-либо в обмен за то, что мы делаем? Будем благодарны человеку, которому мы можем помочь, взирайте на него, как на Бога. Не великое ли это преимущество —

получать возможность поклоняться Богу путем оказания помощи ближнему? Если бы мы были совершенно бесстрастными, мы избежали бы скорби тщетного ожидания и могли бы бодро совершать наше дело в мире. Работа, сделанная бесстрастно, никогда не может принести несчастья или горя. Мир вечно будет жить, утопая в счастье и в несчастье.

Жил один бедный человек, нуждавшийся в деньгах. Он както слышал, что если бы он мог вызвать духа, он мог бы приказать ему принести и деньги, и все, что угодно. Поэтому ему очень хотелось иметь в своей власти духа. Он все искал человека, который мог бы дать ему в подчинение духа; наконец он нашел мудреца, обладавшего большими силами, и попросил его помочь ему в этом. Мудрец спросил его, зачем ему нужен дух. «Я хочу, чтобы дух работал на меня; научи меня, как мне вызвать его,— мне очень хочется иметь в своей власти духа»,— ответил тот. Мудрец сказал: «Не беспокойся, иди домой». На следующий день тот человек опять пошел к мудрецу и стал плакать и просить: «Вызови мне духа! Я должен иметь в подчинении духа, чтобы он мне помогал». Наконец мудрецу это надоело и он сказал: «Возьми этот талисман, повторяй волшебное слово, и дух придет, и что ты ни прикажешь ему, он все исполнит. Но берегись: он страшное создание и должен быть всегда занят. Если ты когда-нибудь не дашь ему работы, он лишит тебя жизни». Человек ответил: «Это очень легко; я могу дать ему работы на всю жизнь». Затем он пошел в лес и долго повторял волшебное слово; наконец перед ним предстал дух. «Я дух,— сказал он,— я побежден твоим волшебством, но ты должен постоянно давать мне занятие; в ту минуту, как ты мне не дашь, я убью тебя». Человек сказал: «Выстрой мне дворец», и дух ответил: «Готово, я выстроил тебе дворец». «Дай мне денег»,— сказал человек. «Вот тебе деньги»,— ответил дух. «Сруби этот лес и сделай вместо него огород».— «Сделано,— сказал дух,— что еще?» Человек испугался и подумал, что ему дела у него больше нет, так как дух все исполнил в один миг. Дух сказал: «Дай мне какое-нибудь дело, или я съем тебя». Бедняк не мог больше придумать никакого занятия, испугался и бросился бежать, пока не добежал до мудреца и сказал ему: «О мудрец, защити меня!». Мудрец спросил его, в чем дело, и человек ответил: «У меня нет больше работы для духа. Все, что я ему приказываю сделать, он исполняет в один миг и грозит меня съесть, если я не дам ему работы». В эту минуту появился дух и, сказав: «Я съем тебя», приготовился проглотить человека. Тот стал дрожать от страха и умолять мудреца спасти его. Мудрец сказал: «Я найду выход. Посмотри на эту собаку с загнутым хвостом. Выхвати скорей твой меч, отсеки ей хвост и дай его выпрямить духу». Человек отрубил хвост собаке и дал его духу, сказав: «Выпрями его». Дух взял хвост и стал медленно и старательно его выпрямлять, но как только он отпустил хвост, тот снова свился. Дух снова бережно выпрямил его, но как только он его отпустил, хвост

снова загнулся. Опять терпеливо дух выпрямил его, но хвост все свивался, как только он его отпускал. Так дух работал много-много дней, пока совсем не утомился. «Никогда в жизни я не был в таком затруднении. Я старый, опытный дух, но никогда я не находился в таком трудном положении. Я пойду с тобой на соглашение,— сказал он человеку.— Ты меня отпусти, а я оставлю тебе все, что я тебе дал, и обещаю больше не вредить тебе». Человек очень обрадовался и с готовностью принял это предложение.

Наш мир подобен загнутому собачьему хвосту; люди в течение сотен и сотен лет старались выпрямить его, но он снова свивался, как только они его отпускали. Иначе и не могло быть. Надо сперва научиться работать бесстрастно, чтобы избавиться от фанатизма. Если бы в мире не было фанатизма, он шел бы вперед гораздо быстрее, чем теперь. Ошибочно думать, что фанатизм может способствовать росту человечества. Напротив, он представляет из себя задерживающий элемент, порождающий ненависть и гнев и побуждающий людей враждовать между собой, вселяя в них взаимную неприязнь. Мы думаем, что все, что у нас есть или чем мы обладаем,— самое лучшее в мире, а то, что мы не имеем, не имеет и никакой цены. Поэтому вспоминайте сравнение с собачьим хвостом, как только вы будете чувствовать в себе склонность к фанатизму. Нечего нам беспокоиться или проводить бессонные ночи, думая о мире: он прекрасно обойдется без нас. Только когда вы избавитесь от фанатизма, вы будете хорошо работать. Только хладнокровный, спокойный человек, рассудительный и с уравновешенными нервами, полный сочувствия и любви к ближним, может хорошо работать и, таким образом, приносит пользу себе. Фанатик неразумен, и нет в нем сострадания; он не может ни «выпрямить» мир, ни сам стать чистым и совершенным.

Вспомним главные пункты того, что мы сказали. Во-первых, мы не должны забывать, что все мы должники и что мир не обязан нам ничем. Для всех нас составляет большое преимущество то, что нам дана возможность что-либо сделать для мира. Помогая миру, мы в действительности помогаем себе. Второй пункт тот, что во Вселенной существует Бог. Вселенная не гибнет и не нуждается в вашей или моей помощи. Бог всегда в ней присутствует. Он не умирает, вечно деятелен и бесконечно бдителен. Когда вся Вселенная спит, Он не спит. Он трудится непрестанно; все изменения и проявления мира исходят от Него. В-третьих, мы не должны никого ненавидеть. Мир наш всегда будет сочетанием добра и зла. Мы обязаны сочувствовать слабому и любить даже грешника. Мир является большой нравственной школой, в которой мы все должны учиться для того, чтобы крепнуть духовно. В-четвертых, мы не должны ни в коем случае быть фанатиками, потому что фанатизм противен любви. Фанатики часто говорят: «Я ненавижу не грешника, а ненавижу грех», но я готов пройти какое угодно расстояние, чтобы увидеть человека, действительно способного отделить грех от грешника. Легко это сказать. Если мы умеем различать между

качеством и сущностью, то мы близки к совершенству. Не легко достичь этого. А затем, чем мы спокойнее и чем менее раздражены наши нервы, тем более мы будем любить и тем лучше мы будем исполнять нашу работу.

Глава VI

БЕССТРАСТИЕ ЕСТЬ ПОЛНОЕ САМООТРЕЧЕНИЕ

Подобно тому, как каждый акт, исходящий от нас, возвращается к нам в виде реакции, так наши действия могут влиять и на других людей, а их поступки на нас. Вы, вероятно, заметили, что по мере того как люди поступают дурно, они становятся все хуже и хуже, и что по мере того как они делают добро, они крепнут и научаются поступать хорошо во всякое время. Это растущее влияние поступков можно объяснить лишь взаимодействием между людьми. Возьму пример из физики: при известном действии мой ум находится в определенном состоянии колебания; все умы, находящиеся в тождественных условиях, склонны будут подпасть под влияние моего ума. Если в одной комнате находятся разные музыкальные инструменты, настроенные на один лад, то, если взять ноту на одном из них, все остальные будут звучать на той же ноте. Так и все умы, находящиеся в состоянии одинакового напряжения, одинаково отзовутся на ту же мысль. Конечно, влияние мысли на ум будет различно, в зависимости от расстояния и других причин, но ум всегда открыт какому-нибудь влиянию. Предположим, что я совершаю дурной поступок; ум мой находится в известном состоянии колебания, и все умы в мире, находящиеся в том же состоянии, могут подвергнуться влиянию вибраций моего ума, и это взаимное влияние умов более или менее сильно, смотря по степени напряжения.

Развивая далее это сравнение, можно предположить, что подобно тому, как волны света иногда бегут миллионы лет, прежде чем встретят какой-нибудь предмет, так и мысленные волны также бегут сотни лет, прежде чем натолкнутся на предмет, с которым они могут звучать в унисон. Весьма возможно поэтому, что наша атмосфера полна подобных мысленных колебаний, как хороших, так и дурных. Каждая мысль, исходящая из каждого мозга, продолжает, так сказать, пульсировать, пока она не встретит подходящий предмет, способный воспринять ее. Каждый ум, раскрытый для восприятия этих колебаний, отзывается на них немедленно. Так и человек, поступая дурно, приводит свой ум в определенное состояние напряжения, и все волны, соответствующие этому состоянию напряжения и уже как бы существующие в атмосфере, будут стараться проникнуть в его ум. Потому-то грешник обыкновенно

продолжает делать все больше и больше зла. Поступки его приобретают все большую напряженность. В силу этого, поступая дурно, мы подвергаемся двойной опасности: во-первых, мы раскрываем себя для всевозможных дурных влияний, окружающих нас, во-вторых, мы творим зло, которое может повлиять на других, может быть, через сто лет. Делая зло, мы вредим и себе, и другим. Делая добро, мы приносим пользу и себе, и другим; и, как все силы в человеке, эти силы добра и зла черпают свою жизнеспособность из окружающего мира.

Согласно Карма-Йоге, раз совершенное действие не может быть уничтожено, пока оно не принесет своего плода; нет силы в природе, могущей помешать ему дать свой результат. Если я поступаю дурно, я должен за это пострадать; ничто в мире не может это изменить. Точно так же, если я совершил хороший поступок, никакая сила в мире не может воспрепятствовать ему дать хорошие плоды. Причина должна иметь свое следствие; ничто не может изменить этого закона. Тут возникает очень тонкий и глубокий вопрос, относящийся к Карма-Йоге,— вопрос о тесной связи, существующей между всеми действиями, как хорошими, так и дурными. Мы не можем провести разграничительной линии, сказав, что одно безусловно хорошо, а другое безусловно дурно. Нет поступка, не дающего одновременно и дурных, и хороших плодов. Возьмем ближайший пример: я с вами говорю, и некоторые из вас, может быть, думают, что я делаю хорошо; вместе с тем я, может быть, убиваю тысячи микробов в воздухе; значит, я делаю зло кому-то другому. Когда какое-нибудь действие влияет хорошо на тех, кого мы знаем, мы говорим, что оно хорошо. Например, вы назовете мою речь к вам хорошим поступком, но микроб не найдет его таковым; микробов вы не видите, а себя самих видите. Влияние моей речи ощутительно для вас, но действие ее на микробов для вас незаметно. Если мы станем анализировать наши дурные поступки, мы, пожалуй, найдем, что и они приносят какие-нибудь хорошие результаты. Тот, кто в хорошем способен распознать и дурное, а в дурном хорошее, познал тайну труда.

Что же из этого следует? То, что как бы мы ни старались, мы не можем совершить совершенно чистого или совершенно нечистого поступка, понимая чистоту и нечистоту в смысле пользы и вреда. Мы не можем дышать и жить, не нанося вреда другим, и каждый кусок пищи, принимаемой нами, взят из чьего-нибудь рта: жизнь вытесняет собой другие жизни. Из этого следует, что совершенство никогда не может быть достигнуто трудом. Мы можем работать всю вечность, но выхода из этого сложного лабиринта не найдем. Можно работать и работать без конца, и все же никогда не прекратится это неизбежное сочетание добра и зла в результатах работы.

Далее следует рассмотреть, какова цель труда. Мы видим, что значительное большинство людей во всех странах думает, что настанет время, когда мир будет совершенен и исчезнут болезни, смерть, несчастья и зло. Это прекрасная идея и отличная побуди-

тельная сила для вдохновения и исправления незнающих; но, вникнув в дело, мы сразу увидим, что это невозможно, раз добро и зло составляют лицевую сторону и изнанку одной и той же монеты. Как можно иметь добро, не имея одновременно и зла? Что подразумевается под совершенством? Выражение «совершенная жизнь» противоречит самому себе. Жизнь есть состояние беспрестанной борьбы между нами и всем, что вне нас. Каждую минуту мы фактически сражаемся с внешней природой, и если мы оказываемся побежденными, то жизнь нас покидает. Происходит, например, постоянная борьба из-за пищи и из-за воздуха. Если не хватает того или другого, мы умираем. Жизнь протекает не просто и не ясно; она очень сложна. Эта сложная борьба между чем-то внутри нас и внешней жизнью и есть то, что мы называем бытием.

Итак, с прекращением этой борьбы прекратится и жизнь.

Под идеальным счастьем подразумевается окончание этой борьбы. Но тогда и жизнь кончится, так как борьба может прекратиться только с прекращением жизни. Мы уже видели, что, помогая миру, мы помогаем самим себе. Главная польза работы для других состоит в очищении самих себя. Путем постоянных усилий, делая добро другим, мы стараемся забыть о себе; это забвение себя и есть урок, который нам надлежит усвоить в жизни. Человек после многих лет борьбы наконец понимает, что истинное счастье состоит в искоренении эгоизма и что никто не может сделать его счастливым, кроме него самого. Каждый милосердный поступок, каждое сострадательное чувство, каждый акт помощи, каждое хорошее дело лишает нас большой дозы самомнения и открывает нам глаза на наше собственное ничтожество. Мы видим, что Джнана-, Бхакти- и Карма-Йоги — все сходятся в одной точке. Высочайший идеал состоит в вечном и всецелом самоотречении, в котором нет уже больше «себя», а все лишь «ты»; и, сознательно ли или бессознательно, Карма-Йога ведет нас к этой цели. Религиозный правоведник, может быть, ужаснется идее о безличном Боге; он может настаивать на существовании личного Бога и может также желать сохранить свою личность и индивидуальность, что бы он под этим ни подразумевал, но его этические идеалы, если они действительно прекрасны, могут быть основаны лишь на самоотречении. Это основа всякой нравственности; ее можно распространить на людей, животных или ангелов, она является единой основной идеей, единственным основным принципом, проникающим все этические системы.

В мире существуют разные классы людей. Во-первых, богочеловеки, чье самоотречение совершенно и которые делают только добро другим, жертвуя при этом даже собственной жизнью. Это наивысшие люди. Если их найдется хотя бы сотня в какой-нибудь стране, то стране этой нечего приходить в отчаяние. Но, к сожалению, таких людей слишком мало. Затем есть хорошие люди, делающие добро другим до тех пор, пока это не вредит им самим: наконец, есть третий класс людей, которые вредят другим, чтобы себе

сделать добро. Один санскритский поэт говорит, что есть четвертый класс людей, которому он не подыщет названия, наносящий вред людям ради удовольствия вредить. Подобно тому, как на одном полюсе бытия стоят высочайшие люди, делающие добро ради добра, так на другом полюсе находятся люди, делающие зло ради зла. Они никакой выгоды не получают от того, что делают зло, но зло лежит в самой их природе.

Существует два санскритских слова: «правритти», означающее движение по направлению к чему-нибудь, и «нивритти»— движение прочь от чего-нибудь. Правритти олицетворяется тем, что мы называем миром «Я» и «мое»»; оно включает все то, что обогащает это «Я» посредством денег, власти, славы и что по природе стремится захватить, собрать все в один центр, и центр этот есть «Я». Когда стремление это начинает ослабевать и наступает нивритти, или отдаление, отхождение, тогда вступают в свои права нравственность и религия. Как правритти, так и нивритти — суть разные виды труда; правритти — дурная работа; нивритти — хорошая работа. Нивритти является основой всякой нравственности и религии, и конечное совершенство ее выражается в полном самоотречении, в готовности пожертвовать умом, и телом, и всем для другого существа. Когда человек дошел до этого состояния, он достиг совершенства в Карма-Йоге. Это наивысший результат добрых дел. Хотя бы человек не изучил ни одной философской системы, хотя бы он не верил ни в какого Бога, хотя бы он не молился ни разу во всю свою жизнь, если он одной только силой хороших дел пришел к тому состоянию, что готов отдать жизнь для других, то он достиг того же пункта, к которому религиозного человека приводит молитва, а философа — знание. Итак, мы видим, что философ, молящийся и работник — все встречаются в одном пункте, и пункт этот есть самоотречение. Как бы ни разнились друг от друга философские и религиозные системы, все человечество все же преклоняется с благоговением и трепетом перед человеком, готовым пожертвовать собой для других. В данном случае вопрос вовсе не в верованиях или в доктрине — даже люди, очень враждебно относящиеся к всяким религиозным идеям, сталкиваясь с фактами полного самопожертвования, чувствуют, что они должны перед ними преклониться. Разве вы не видели, как даже самый строгий христианин, читая «Свет Азии» сэра Эдвина Арнольда, преклоняется перед Буддой, не проповедовавшим ни о Боге и ни о чем ином, кроме самопожертвования. Единственно, чего не знает узкорелигиозный человек, это есть то, что собственная его цель в жизни совершенно тождественна с целью тех, с кем он расходится в убеждениях. Молящийся, держа всегда перед собой идею о Боге и окружая себя добром, приходит в конце концов к тому же пункту и говорит: «Да будет воля Твоя»— и ничего не сохраняет для себя. Это и есть самоотречение. Философ со всем своим знанием понимает, что все видимое есть иллюзия, и с легкостью от него отказывается. И это — самоотречение. Итак, К а р м а, Б х а к т и и

Д ж н а н а встречаются в этой точке; это и хотели сказать все великие проповедники древних времен, говоря, что Бог не есть мир. Мир одно, а Бог — другое, и различие это весьма правильное. Под м и р о м они разумеют эгоизм. Бог — это бескорыстие. Можно жить на троне, в золотом дворце, и быть совершенно неэгоистичным: такой человек живет в Боге. Другой человек живет в лачуге, носит лохмотья и ничего на свете не может назвать своим; однако, если он эгоистичен, он глубоко погружен в мирскую суету. Вернемся теперь к одному из главных наших положений. Мы говорим, что не можем творить добра, не делая одновременно какого-нибудь зла, и не можем творить зла, не делая вместе с тем и добра. Как же нам работать, зная это? На этом основании и возникали секты, которые, опираясь на то, что человек, живя, должен убивать бедных маленьких животных и растения и чему-нибудь или кому-нибудь вредить, с удивительным самомнением проповедовали медленное самоубийство, как единственное средство уйти из мира. Поэтому, согласно их учению, остается только умереть. Джайны проповедовали эту доктрину как высший идеал. Она кажется очень логичной. Но истинное разрешение вопроса содержится в Г и т е и выражается в теории бесстрастия и полной отрешенности при выполнении своей жизненной задачи. Знайте, что вы совершенно отделены от мира; однако вы живете в мире и, что бы вы в нем ни делали, работайте не для себя. Каждый поступок, совершаемый вами для себя, обратит свое действие на вас же самих. Если он хорош, вам придется нести хорошие последствия; если дурен, вы получите дурные результаты; но всякое действие, совершенное не ради себя, каково бы оно ни было, не обратит на вас своего действия. Эта идея очень ярко выражена в одной фразе в индусском священном писании: «Если он даже убьет всю Вселенную (или если его самого убьют), он не будет ни убийцей, ни убитым, если он поймет, что действовал не для себя». Поэтому Карма-Йога учит: «Не отрекайся от мира; живи в мире, впитывай его влияние, сколько можешь; но лучше вовсе не работай, чем если ты будешь это делать для личного удовольствия». Целью жизни не должно быть удовольствие. Сперва убей себя, а затем вбери весь мир, как себя самого,— как говорили древние христиане: «Надо совлечь с себя ветхого человека». Этот «ветхий человек» — есть эгоистичное представление, что весь мир создан для нашего наслаждения. Неразумные родители учат своих детей молиться: «Господи, Ты создал для меня это солнце и эту луну!». Как будто Господу нечего больше делать, как создавать все для этих младенцев! Не учите ваших детей таким глупостям! Затем, есть люди неразумные в другом отношении; они учат, что все животные созданы для того, чтобы мы их убивали и ели, что весь мир сотворен для наслаждения людей. Все это неверно. Тигр, пожалуй, скажет: «Человек создан для меня»— и будет молиться: «Господи, как скверны эти люди, которые не попадаются на моем пути, чтобы я их съел; они нарушают Твой закон». Если мир создан

для нас, мы тоже созданы для мира. Более всего задерживает наше движение вперед мысль, что мир создан для нашего наслаждения. Мир этот не ради нас сотворен; миллионы людей покидают его каждый год, и мир этого не чувствует, потому что они замещаются миллионами других людей. Мир в такой же мере создан для нас, как и мы для мира.

Итак, чтобы хорошо работать, надо сперва избавиться от пристрастия. Во-первых, не бросайтесь в гущу сражения; будьте лишь свидетелями его и продолжайте работать. Учитель мой говорил мне: «Относись к своим детям так, как к ним относится их нянька». Нянька возьмет вашего ребенка и будет ласкать его, и играть с ним, и обходиться с ним так же мягко, как и с собственным ребенком; но, как только вы ее рассчитаете, она соберет свои вещи и сейчас же покинет ваш дом, причем все похожее на привязанность будет ею забыто. У обыкновенной няньки при разлуке с вашими детьми не сожмется сердце, и она тотчас примет на свое попечение других питомцев. Так и вы должны относиться ко всему, что вы считаете своим. Вы — нянька и, если вы верите в Бога, верьте, что то, что вы считаете своей собственностью, принадлежит в действительности Ему. Величайшая слабость часто принимает личину величайшей добродетели или силы. Думать, что кто-нибудь зависит от меня и что я могу сделать добро другому, является слабостью. Это убеждение вызывает пристрастие, а пристрастие порождает все наши страдания. Мы должны внушить сами себе, что никто во всей Вселенной от нас не зависит; ни один нищий не зависит он нашего милосердия; ни одно живое существо не зависит от нашей поддержки. Все они получают помощь от природы и будут получать ее, хотя бы население мира уменьшилось на много миллионов. Жизнь природы не остановится ради нас с вами; нам дается только блаженное преимущество воспитывать себя, помогая другим. Этот великий урок надо выучить, и, когда мы его вполне усвоим, мы никогда уже не будем несчастны; мы сможем без вреда для себя вращаться в какой угодно среде и где бы то ни было. Вы можете иметь жен, и мужей, и целые полки подчиненных и можете владеть царствами; если только вы в своих действиях опираетесь на принцип, что мир не для вас создан и не нуждается непременно в вас, ничто не может вам повредить. В этом году, может быть, умерли ваши друзья. Разве мир остановился, поджидая их возвращения? Нет, он продолжает существовать. Выкиньте поэтому из головы мысль, что вам что-то надо создать для мира; это лишь гордыня и эгоизм, принимающий личину добродетели. Когда вы приучите свой ум к сознанию независимости от вас мира или кого бы то ни было из людей, тогда не будет и реакции в виде страдания, порождаемого работой. Если вы, давая что-нибудь человеку, ничего от него не ждете, даже благодарности,— тогда неблагодарность его вас не поразит, так как вы не полагали даже, что имеете право получить что-либо в обмен; вы дали ему лишь заслуженное им;

собственная его К а р м а доставила ему это; ваша К а р м а сделала вас при этом посредником. Зачем вам гордиться тем, что вы что-то кому-то отдали? Вы только посыльный, принесший деньги или какой-нибудь другой дар, который заслужен миром, его собственной К а р м о й. К чему же вам в таком случае гордиться? Когда вы приобретете бесстрастие, то для вас не будет существовать ни добра, ни зла. Лишь эгоизм делает разницу между добром и злом. Это очень трудно понять, но вы со временем дойдете до того сознания, что ничто в мире не имеет власти над вами, пока вы сами не дадите ему этой власти. Ничто в мире не имеет власти над индивидуальным «Я» человека, пока оно по собственному неразумию не утратит своей независимости. Таким образом, будучи бесстрастными, вы побеждаете и отрицаете чью бы то ни было власть над вами. Весьма легко сказать, что ничто не имеет права действовать на вас, пока вы того не позволите; но каков истинный признак человека, не позволяющего, чтобы что-нибудь влияло на него,— ни счастье, ни несчастье? Признак этот состоит в том, что удача или неудача не вызывают изменения в его уме; при всех условиях он остается одинаково непоколебим.

В Индии жил великий мудрец, по имени Вьяса. Он известен как автор афоризмов в Веданте, и он был святой человек. Отец его тоже пытался сделаться святым человеком, но ему это не удалось. Дед также старался стать таковым и не преуспел в этом. Прадед его тоже стремился к святости и также безуспешно. Сам он не совсем достиг цели, но сын его, Шука, родился совершенным. Вьяса научил своего сына мудрости и, преподав ему истину, послал его ко двору царя Джанаки. Последний был великим царем и назывался Джанака Видеха. Видеха значит — «без тела». Хотя он был царем, он совершенно забыл, что у него было тело, и чувствовал себя все время духом. Мальчик Шука был послан к нему с тем, чтобы научиться у него мудрости. Царь знал, что сын Вьясы идет к нему, и сделал заранее соответственные распоряжения, вследствие которых стражи не обратили на него никакого внимания, когда он явился у ворот дворца. Они дали ему только стул, и он просидел на нем три дня и три ночи; никто не говорил с ним, никто не спрашивал его, кто он и откуда. Он был сыном великого мудреца; отец его был очень значительное лицо, и его почитала вся страна, да и сам он был достойным всяческого почтения человеком; однако невежественные, грубые стражи дворца не обращали на него никакого внимания. По истечении трех дней пришли министры короля и знатные вельможи и приняли его с величайшими почестями. Они ввели его в великолепные комнаты, выкупали его в благоуханной ванне, дали чудную одежду и в течение восьми дней окружали его всевозможной роскошью. Но серьезное и ясное лицо Шуки не изменилось ни в малейшей степени от перемены в обращении с ним; он оставался тем же среди роскоши, как и тогда, когда одиноко ждал у ворот. Наконец, его провели к царю. Царь сидел на троне; играла музыка; кругом танцевали и всячески

веселились. Царь дал ему чашку молока, полную до краев, и попросил его семь раз обойти с ней зал, не пролив ни капли. Мальчик взял чашку и пошел среди музыки и окружавших его прекрасных лиц. Согласно желанию короля, он семь раз обошел зал, не пролив ни капли молока. Ум его не мог быть привлечен внешним миром, пока он сам не допускал влияния мира на себя. Когда он принес чашку царю, тот сказал: «Я могу лишь повторить то, чему тебя отец научил и чему ты сам научился. Ты познал истину. Иди домой».

Таким образом, человек, достигший самообладания, не может больше попасть под влияние внешнего мира; для него нет более рабства. Ум его освободился. Только такой человек и достоин хорошо жить в мире. Обыкновенно люди держатся двух мнений относительно мира. Пессимисты говорят: «Как ужасен этот мир! Как он отвратителен!». Оптимисты же говорят: «Как прекрасен этот мир, как он чудесен!». Для того, кто не овладел еще собственным умом, мир полон зла или, в лучшем случае, он является смесью добра и зла. Но тот же самый мир станет для нас радостным, как только мы овладеем нашими умами. Тогда ничто не подействует на нас как добро или зло; мы увидим, что все на своем месте, все гармонично. Люди, сперва утверждавшие, что мир — ад, при достижении ими самообладания в конце концов нередко находят, что он рай. Если мы истинные Карма-йоги и желаем достичь этого состояния, то, где бы мы ни начали, мы неизменно кончим полным самоотречением. Как только наше призрачное «Я» исчезнет, весь мир, сперва как будто полный зла, покажется нам самим раем и полным блаженства. Сама атмосфера его будет для нас благословенной; каждое человеческое лицо станет прекрасным. Такова цель Карма-Йоги, и таково совершенство ее в практической жизни.

Различные наши Йоги не противоречат друг другу. Каждая из них приводит нас к одной и той же цели и делает нас совершенными. Только каждую из них надо усиленно практиковать. Вся тайна заключается в практике. Сперва надо слушать, затем думать, потом практиковать. Это верно относительно каждой Йоги. Сначала надо изучить ее и уразуметь, и многое непонятное станет ясным путем постоянного изучения и размышления. Трудно все понять сразу. Объяснение всего лежит в вас же самих. Никто в действительности никогда не научил другого; каждый из нас должен учить сам себя. Внешний учитель дает лишь толчок, побуждающий внутреннего учителя работать над уяснением трудных вопросов. Тогда они станут понятными нам в силу нашего собственного восприятия и мысли, и мы осознаем их в собственной душе; и это осознание разовьется в упорную, мощную силу воли. Сначала является чувство, затем стремление, и это стремление порождает огромную работоспособность, проникающую каждую жилу, каждый нерв и мускул, пока все тело не обратится в орудие бескорыстной Йоги труда, чем и достигается желаемый результат совершенного самоотречения и полного бескорыстия. Достижение

это не зависит ни от догмы, ни от доктрины, ни от верования. Безразлично — христианин ли человек, еврей или язычник. Бескорыстны ли вы? Вот в чем вопрос! Если вы бескорыстны, то вы станете совершенным, не прочитав ни одной религиозной книги, не посетив ни одной церкви или храма. Каждая система Йоги может сделать человека совершенным и без посторонней помощи, так как все они имеют в виду одну и ту же цель. Йоги труда, мудрости и поклонения — все могут служить прямыми и самостоятельными средствами к достижению мокши — освобождения. «Одни только глупцы утверждают, что труд и философия — разные вещи; люди знающие этого не говорят». Мудрые понимают, что, разнясь друг от друга по видимости, философия и труд в конце концов приводят к той же цели — к совершенству человека.

Глава VII

СВОБОДА

Слово Карма, помимо труда, означает и причинность. Всякая работа, всякий поступок, всякая мысль, производящая действие, называется Кармой. Таким образом, закон Кармы есть закон причинности, неизбежно порождающей следствие. Согласно нашей философии, он действует во всей Вселенной. Что бы мы ни видели, ни чувствовали, ни делали, какое бы событие ни происходило во Вселенной, оно, будучи, с одной стороны, результатом прошлых дел, становится, с другой стороны, причиной и производит свое действие. В связи с этим следует установить, что означает слово «закон». Законом называется стремление целого ряда явлений повторяться. Когда одно явление следует за другим или происходит одновременно с другим, мы ожидаем, что эта последовательность или одновременность явлений повторится. Древние философы школы Ньяя называют этот закон вьяпти.

Согласно учениям этих философов, все наши представления о законе установились в силу ассоциаций. Целый ряд явлений сочетается в нашем уме с другими явлениями в неизменном порядке, и мы немедленно относим все наши восприятия к определенным фактам в нашем уме. Одна мысль или, согласно нашей психологии, одна волна, вызванная в мозговой материи, читта, должна порождать многие однородные волны. Такова психологическая идея ассоциации, а причинность есть лишь один аспект этого величавого и всеобъемлющего принципа. Эта всеобъемлемость ассоциаций называется по-санскритски вьяпти. Во внешнем мире идея закона по своей сущности та же самая, что и во внутреннем. А именно — ожидание, что за известным явлением последует другое и что определенный ряд явлений должен повториться.

Следовательно, закона нет в природе и, строго говоря, ошибочно утверждать, что притяжение существует в земле или что какой-либо закон объективно находится где-то в природе. Закон — это тот метод, та манера, которыми наш ум воспринимает ряд явлений; весь он содержится в уме. Мы называем законом последовательное или одновременное повторение известных явлений, сопровождаемое убеждением в регулярности их повторения, позволяющим нашему уму обнять общий метод всей серии явлений.

Следующий вопрос, требующий рассмотрения, состоит в выяснении значения всеобщности закона. Вселенная представляет собою ту часть бытия, которая охарактеризована санскритскими психологами термином д э ш а-к а л а-н и м и т т а, или тем, что в европейской психологии соответствует понятию времени, пространства и причинности. Она является лишь частью бесконечного бытия, заключенною в определенную форму, состоящую из пространства, времени и причинности. Из этого само собой вытекает, что закон возможен только в пределах этой условной Вселенной; за пределами ее не может быть никакого закона. Под Вселенной мы подразумеваем только часть бытия, ограниченную нашим умом; действию закона подвержен лишь мир чувств, который мы можем видеть, ощущать, трогать, слышать, воспринимать разумом, рисовать себе воображением; но за пределами его бытие не может быть подчинено закону, потому что причинность не простирается за границы мира, созданного нашим разумом. Все, переступающее границы нашего мышления и наших чувств, не связано законом причинности ввиду того, что в области, находящейся за пределами чувств, нет умственной ассоциации явлений, а без таковой ассоциации не может быть и причинности. Бытие, или существование, повинуется закону причинности и подпадает под власть закона только тогда, когда оно облекается в наименование и в форму ввиду того, что всякий закон сутью своей коренится в причинности. Поэтому свободной воли не может быть. Сами эти слова являются противоречием, потому что волю мы знаем, а все, что мы знаем, находится во Вселенной; все же, находящееся во Вселенной, обусловливается пространством, временем и причинностью. Все, что мы знаем или можем узнать, должно быть подчинено причинности, а то, что повинуется закону причинности, не может быть свободным. Оно подвергается влиянию других факторов и становится, в свою очередь, причиной. Но все, не бывшее сначала волей, но преобразившееся в волю при падении в форму пространства и времени, свободно; и, когда эта воля сбросит с себя форму пространства, времени и причинности, она будет снова свободной. Из свободы она приходит и обращается в рабство, но, сбросив рабство, она снова получает свободу.

Возникал и вопрос о том, откуда этот мир, в ком он покоится и куда идет? На это был дан ответ, что из свободы он исходит, покоится в рабстве и к свободе возвращается. Следовательно, говоря, что человек есть не что иное, как то бесконечное существо,

которое проявляется в мире, мы подразумеваем, что только очень малая часть этого существа становится человеком; видимое тело и ум составляют только одну частицу целого, только крошечную пылинку этого беспредельного существа. Вся Вселенная — лишь маленькая частица бесконечного существа; и все наши законы, наше рабство, наши радости и горести, счастье и надежды заключены лишь в эту небольшую Вселенную; всякий прогресс и всякий упадок содержатся в ее тесных рамках. Из этого ясно, сколь ребячески неразумно ожидать продолжения Вселенной — создания наших умов — и восхождения на небо, которое должно быть лишь повторением знакомого нам мира! Вы сами понимаете, что невозможно и неразумно желать, чтобы все безграничное бытие приспособилось к ограниченному и конечному бытию, известному нам. Когда человек просит того самого, что он имеет теперь, или, как я иногда выражаюсь, когда он жаждет удобной религии, можно с уверенностью сказать, что он настолько выродился умственно, что не может представить себя пребывающим в состоянии более высоком, чем то, в котором он находится в настоящее время; он отождествляет себя только с окружающими его мелкими условиями и дальше их ничего не видит. Он забыл свою беспредельную природу, и его мысль вращается в рамках мелких радостей, мелких горестей и минутных сердечных треволнений. Он принимает конечное за бесконечное и к тому же не хочет расстаться с этим безумием. Он отчаянно цепляется за тришну, за жажду жизни, за то, что буддисты называют танха и трисса. Может быть, есть миллионы видов счастья, и существ, и законов, и прогресса, и причинности, действующих вне известной нам Вселенной, и все же это включает лишь одну частицу нашей необъятной природы.

Чтобы приобрести свободу, мы должны переступить границы нашей Вселенной: во Вселенной свободы найти нельзя. Совершенное равновесие — или то, что христиане называют миром, превосходящим всякое представление о нем,— не может быть обретено в нашей Вселенной, ни на небе, ни в каком ином месте, доступном нашему уму и нашей мысли, чувствам или воображению. Никакое подобное место не может нам дать этой свободы, потому что оно находилось бы в границах Вселенной, а Вселенная обусловлена пространством, временем и причинностью. На нашей земле могут быть места, где наслаждения ярче, но и они должны находиться в пределах Вселенной и, следовательно, должны быть под властью закона. Итак, нам надо переступить эти границы, и истинная религия начинается там, где кончается наш крошечный мир. Там заканчиваются мелкие радости и знание вещей и начинается реальность. Пока мы не расстанемся с жаждой жизни, с сильной привязанностью к нашему преходящему, условному существованию, мы не можем надеяться хотя бы мимолетно узреть эту безграничную свободу. Следовательно, само собой разумеется, что есть один только путь к достижению свободы, являющийся целью всех благо-

роднейших стремлений человечества, а именно путь отречения от этой мелкой жизни, от этой мелкой Вселенной, от земли, от неба, от тела, от ума, от всего, что ограничено и условно. Если мы откажемся от пристрастия к нашей чувственной Вселенной или к нашему уму, мы немедленно же станем свободны. Единственное средство освободиться от рабства состоит в том, чтобы перешагнуть пределы закона и очутиться по ту сторону закона, по ту сторону причинности.

Но отказаться от пристрастия ко Вселенной чрезвычайно трудно: не многие этого достигают. В индийских книгах упоминается о двух путях к достижению свободы. Один из них называется нэти, нэти (не то, не то), другой — ити (это); первый — отрицательный путь; второй — положительный. Отрицательный путь — наиболее трудный. Он доступен лишь людям очень высокого, исключительного ума и исполинской воли, которые твердо стоят и только повторяют: «Нет, этого я не хочу», и ум, и тело повинуются их воле, и они достигают цели. Но такие люди очень редки. Громадное большинство людей выбирают положительный путь,— путь, ведущий через гущу мира и пользующийся самими узами, чтобы ими же их расторгнуть. Это тоже своего рода отречение; только оно осуществляется медленно и постепенно, путем познания явлений, наслаждения ими, путем приобретения опыта и изучения природы вещей до тех пор, пока ум наконец всех их не отвергнет и не отрешится от них. Первый путь отрешения связан с рассуждением, второй с трудом и опытом. Первый путь — путь Джнана-Йоги и характеризуется отказом от всякой работы, второй путь — путь Карма-Йоги, и тут работа никогда не прекращается. Каждый человек должен работать во Вселенной. Только те, которые совершенно удовлетворены своей близостью с высшим «Я», чей ум не выходит из «Я», для которых все сосредоточено в «Я»,— те только не работают. Все остальные должны работать. Поток, устремляясь ниже и попадая в углубление, образует водоворот; покружившись в нем некоторое время, он вновь свободно вытекает и беспрепятственно продолжает свой бег. Каждая человеческая жизнь подобна такому потоку. Она попадает в водоворот, кружится в этом мире пространства, времени и причинности и снова вырывается из него, возвращаясь к прежней свободе. Так поступает весь мир. Независимо от того, знаем ли мы это или нет, сознательны ли мы или бессознательны, мы все работаем с целью стряхнуть с себя сновидения этой жизни. Цель жизненного опыта на земле — дать возможность человеку выйти из этого водоворота.

Что такое Карма-Йога? Это — познание тайны труда. Мы видим, что весь мир работает. Для чего? Для свободы, для спасения; все, начиная с атома и кончая высшим существом, работают для той же цели — для свободы ума, тела, духа. Все неустанно стремится к свободе и убегает от рабства. Солнце, Луна, Земля, планеты стараются вырваться из рабства. Центробежные и центростремительные силы природы типичны для нашей Вселенной.

Вместо того чтобы кружиться во Вселенной и после долгой отсрочки и многих уроков познать вещи сами в себе, мы познаем в Карма-Йоге тайну труда, метод работы, организаторскую ее силу. Если мы не будем знать, как пользоваться энергией, мы рискуем напрасно потратить большое количество сил. Карма-Йога создает науку о труде и учит нас, как лучше использовать всякую совершающуюся в мире работу. Труд неизбежен. Так должно быть, но мы должны работать для высшей цели. Карма-Йога заставляет нас признать, что мир наш — это явление пяти минут; что это нечто, через что мы должны пройти; что свобода — не в этом мире и что ее можно обрести лишь за пределами мира. Для того чтобы найти дорогу и освободиться от оков мира, мы должны сперва постепенно и крепко опутывать ими себя. Иногда встречаются исключительные люди, о которых я только что говорил, а именно те, которые могут стать в стороне и отринуть мир подобно тому, как змея сбрасывает свою шкуру, а затем отползает в сторону и смотрит на нее; но остальная часть человечества должна медленно проделать всю работу мира. Карма-Йога указывает процесс этой работы, ее тайну и метод, при помощи которого можно пройти этот путь наиболее плодотворно.

Что же говорит Карма-Йога? «Трудитесь неустанно, но отрешитесь от всякой привязанности к труду. Не отождествляйте себя ни с чем вне вас. Держите ваш ум свободным. Все, что вы видите,— горести и несчастья — есть только необходимые условия жизни мира; бедность, богатство и радость всегда мимолетны; они вовсе не принадлежат истинной нашей природе. Природа наша недоступна ни страданию, ни горю, ни предметам чувств, ни воображению; и все же мы должны продолжать трудиться. Страдание порождается пристрастием, а не трудом». Коль скоро мы отождествляем себя с нашей работой, мы чувствуем себя несчастными; если же мы не отождествляем себя с нею, мы и не страдаем. Если сгорает прекрасная картина, принадлежащая другому, человек обыкновенно не страдает; если же собственная его картина сгорает, каким он себя чувствует несчастным! Почему? Обе картины были прекрасны; они, может быть, были копиями одного и того же оригинала, но в одном случае горе гораздо острее, чем в другом, потому что в одном случае он отождествил себя с картиной, в другом же случае он этого не сделал. Это «Я» и «мое» и является причиной несчастья. Чувство собственности порождает эгоизм, а эгоизм порождает страдание. Каждый эгоистический акт и эгоистическая мысль привязывают нас к кому-нибудь и тотчас же порабощают нас. Каждая волна в «читта», говорящая «Я» и «мое», медленно накладывает на нас цепи и делает нас рабами, и чаще мы говорим «Я» и «мое», тем более усиливается страдание. Поэтому Карма-Йога учит нас наслаждаться красотой всех картин в мире, но не отождествлять себя ни с одной из них. Никогда не говорите: «мое». Как только мы скажем «мое», немедленно явится страдание. Не говорите даже мысленно: «мое дитя». Обладайте ре-

бенком, но не говорите: «мой». Не говорите: «мой» дом или «мое» тело. Все затруднения заключаются в этом. Тело не принадлежит ни мне, ни вам и никому другому. Эти тела приходят и уходят, повинуясь законам природы, но мы свободны, присутствуя при этом лишь как свидетели. Наше тело не менее свободно, чем картина или стена. Зачем нам так привязываться к нему? Художник, написав картину, отходит он нее. Не выпускайте щупальцев эгоизма — «должен обладать этим». Как только вы выпустите их, настанет беда.

Итак, Карма-Йога учит сперва подавлять стремление выпускать щупальцы эгоизма. Если вы в силах обуздать эгоизм, то удерживайте его и не позволяйте вашему уму попасть в волну эгоизма. Тогда вы можете спокойно идти в мир и работать сколько угодно. Общайтесь с кем хотите, идите куда хотите; зло вас не заразит. Посмотрите на листья лотоса в воде; вода не может замочить их и пристать к ним; так будет и с вами в мире, когда вы достигнете отрешенности. Такое состояние называется в а й р а г ь я — бесстрастие или отрешенность; без отрешенности не может быть никакой Йоги; бесстрастие составляет основу всех Йог. Человек, отказавшийся от жизни в домах, от ношения богатой одежды и от хорошей пищи и удалившийся в пустыню, может хранить в себе еще много пристрастия. Его единственная собственность — его тело — может приобрести для него огромную ценность, и он будет, может быть, бороться просто ради своего тела. Бесстрастие не имеет никакого отношения к нашей внешней, телесной жизни; все оно содержится в уме. Связывающее звено — «Я» и «мое» — находится в теле. При отсутствии этой связи с телом и с предметами чувств, мы будем бесстрастны, где бы мы ни находились и что бы ни делали. Но сперва нам надо достигнуть этого состояния бесстрастия и затем работать непрерывно. Карма-Йога указывает нам метод, который поможет нам отрешиться от всякого пристрастия, хотя это, действительно, чрезвычайно трудно.

Перед нами два пути отрешения от пристрастия. Один из них годен для тех, кто не верит в Бога или в какую-либо поддержку, приходящую извне. Такие люди предоставлены собственным силам; им приходится просто работать собственной волей, умом и распознаванием, говоря: «Я должен быть бесстрастен». Для верующих в Бога есть другой путь, гораздо легче. Они кладут плоды своего труда к ногам своего Бога; они работают и вместе с тем никогда не привязаны к результатам. Что бы они ни чувствовали, ни слышали и ни делали,— все для Бога. Если мы хотим подражать им, то какое бы мы ни совершали хорошее дело, не будем требовать за него ни похвалы, ни выгоды. Оно принадлежит Богу. Отдадим же Ему плоды Его. Станем в стороне и будет помнить, что мы только слуги, повинующиеся своему Господину, и что все наши импульсы к деятельности исходят от Него. Поэтому, чему бы вы ни поклонялись, что бы вы ни воспринимали, что бы вы ни делали, все посвящайте Богу и будьте спокойны. Будем пребывать в полном мире с самими собою и преда-

дим наше тело и ум Богу, принося ему беспрерывную жертву. Вместо всяких возлияний на алтари богов приносите одну великую жертву день и ночь,— жертвуйте своим маленьким «Я»!

Помните слова: «Я искал богатства в мире, и Ты — единственное богатство, которое я приобрел. Я искал кого мне любить, и Ты — единственный возлюбленный, которого я нашел. Приношу себя в жертву Тебе».

Будем повторять это день и ночь и будем говорить: «Нет ничего для меня — ни дурного, ни хорошего, ни безличного. Мне ничто не мило. Все жертвую я Тебе». Будем день и ночь отказываться от нашего призрачного «Я», пока это не превратится в привычку, не проникнет в кровь, в нервы и в мозг, пока все тело не станет ежеминутно повиноваться этой идее самоотречения. Тогда бросайтесь в самый пыл сражения, где гремят выстрелы, где люди борются и умирают, и вы увидите, что вы свободны и умиротворены.

Карма-Йога учит нас тому, что обыденная идея долга берется на чересчур низкой плоскости, тем не менее все мы должны исполнить наш долг. Однако это особое чувство долга может стать источником многих страданий. Долг становится болезнью для нас; он все влечет нас вперед. Он захватывает нас, делая нас несчастными. Это представление о долге подобно полуденному солнцу, сжигающему внутреннюю душу человечества. Взгляните на бедных рабов долга. Долг не позволяет им ни помолиться, ни помыться. Он их вечно подгоняет. Они идут и работают. Долг их подгоняет. Они возвращаются домой и думают о работе, предстоящей на следующий день. Долг их подгоняет. Это жизнь раба, наконец падающего на улице и умирающего в упряжи, как вьючная лошадь. Так понимается ими долг. В действительности наш единственный долг — быть бесстрастными и, работая, как свободные существа, посвящать всю работу Богу. Наши обязанности принадлежат Ему. Блаженны мы, что мы присланы сюда. Мы отбываем свой срок — хорошо ли или дурно, никто не может сказать. Если хорошо, то плодов труда мы не получаем; если плохо, то и заботы также не имеем. Будьте спокойны, свободны и работайте. Этот вид свободы достигается большим трудом. Как легко истолковывать рабство — как долг, тягостную привязанность тела к телу — как долг. Люди идут в мир и борются и сражаются из-за денег или из-за других земных благ. Спросите их, зачем они это делают? Они ответят: «Это наш долг». В действительности это только нелепая жадность к деньгам и к прибыли, и они стараются украсить ее цветами.

Что же такое, в конце концов, долг? В действительности это импульсы, идущие от тела и нашего пристрастия. Когда пристрастие кристаллизируется, мы называем его долгом. Например, в тех странах, где нет брака, нет и обязанностей между мужем и женой. Вступая в брак, муж и жена живут тогда между собой в силу привязанности; и этот вид сожительства прочно устанавли-

вается через несколько поколений и наконец превращается в долг. Он становится, так сказать, хронической болезнью. Острое страдание мы называем болезнью, а хроническое иной раз называем «природой». Но оно также болезнь. Точно так же, когда «привязанность» становится хронической, мы даем ей высокопарное название д о л г а. Мы осыпаем ее цветами, трубим в трубы, читаем над ней священные тексты, и затем весь мир борется, и люди искренно друг друга обкрадывают из-за этого долга. Долг хорош, поскольку он умеряет грубость. Для низших категорий людей, не способных создать себе другой идеал, он полезен; но кто желает сделаться Карма-йогом, тот должен выбросить за борт эту идею долга. Для нас с вами не существует долга. Давайте миру все, что у вас есть, но не давайте это как долг. Не думайте о нем. Не принуждайте себя. Зачем вам принуждать себя? В с е, ч т о в ы д е л а е т е п о д п р и н у ж д е н и е м, с о з д а е т п р и с т р а с т и е. Зачем вам иметь обязанности?

Предоставьте все Богу. Среди этого огромного огненного горнила, где пламя долга всех обжигает, пейте нектар из сладостной чаши и будьте счастливы. Мы просто исполняем волю Бога, и ни награды, ни наказания нас не касаются. Кто хочет награды, тот должен также получить и наказание; единственная возможность избегнуть наказания состоит в отказе от награды. Единственная возможность избегнуть горя лежит в отрешении от идеи счастья, потому что и счастье и горе связаны между собой. На одной стороне счастье, на другой несчастье, с одной стороны жизнь, с другой смерть. Преступить смерть можно, лишь отказавшись от любви к жизни. Жизнь и смерть одно и то же явление, только рассматриваемое с разных точек зрения. Представление о счастье без горя, о жизни без смерти прекрасно для школьников и для детей; но мыслитель понимает, что это лишь противоречие в терминах, и отказывается и от того, и от другого. Не ищите ни похвалы, ни награды, что бы вы ни делали. Совершив что-нибудь хорошее, мы сейчас же требуем награждения. Отдав деньги на какое-нибудь дело благотворительности, мы хотим, чтобы имена наши были напечатаны в газетах. Такие желания приносят в результате горе. Величайшие в мире люди умерли неведомыми. Известные нам великие люди — это только второстепенные герои в сравнении с величайшими людьми, оставшимися неведомыми миру. Сотни их жили в каждой стране, работая в тишине. Молча они живут и молча уходят; и со временем мысли их находят себе выражение в умах «гениев» и «талантов», и этих последних мы только и знаем. Высочайшие люди не ищут славы и громкого имени в награду за свое знание. Они оставляют миру свои мысли, но ничего не требуют для себя и не основывают систем и школ своего имени. Природа их чуждается этого. Они принадлежат саттве — гармонии и не могут делать никакого шума, а только растворяются в любви. Я видел одного такого йога, живущего в пещере в Индии. Это был один из удивительнейших людей, которых я

когда-либо знавал. Он настолько утратил чувство своей индивидуальности, что человек в нем как бы совершенно исчез, оставив по себе лишь всеобъемлющее сознание божественного. Если животное укусит ему руку, он готов подставить и другую, говоря, что это Господня воля. Все, случающееся с ним, он принимает как исходящее от Господа. Он не показывается людям, являясь, однако, очагом любви и источником истинных и кротких мыслей.

Затем идет разряд людей, имеющих больше раджаса, или активности,— воинствующие натуры, подхватывающие идеи совершенных людей и проповедующие их в миру. Высший разряд людей молчаливо собирает истинные и благородные мысли, а другие — ходят с места на место, проповедуя их и работая ради них. Гаутама Будда все повторял, что он двадцать пятый Будда. Те двадцать четыре, что предшествовали ему, неведомы истории, хотя известный истории Будда строил на основах, заложенных ими. Величайшие люди спокойны, молчаливы и безвестны. Это люди, воистину знающие силу мысли; они уверены, что даже если они войдут в пещеру, закроют двери и просто подумают пять хороших мыслей и затем умрут, то эти пять мыслей будут жить вечно. Такие мысли пронизывают горы, переплывают океаны и обходят весь мир. Они глубоко западают в человеческие сердца и умы и порождают людей, которые дают им практическое применение в человеческой жизни. Люди саттвы слишком близки к Богу, чтобы быть активными, бороться, работать, проповедовать и *делать добро*, как его понимают здесь, на земле. Активные работники, как бы они ни казались совершенными, имеют все же в себе остатки незнания. Мы можем работать только до тех пор, пока природа наша содержит в себе некоторые остатки нечистоты. В самой природе работы лежит побуждение к ней, вызванное какой-нибудь причиной или пристрастием. Как можно придавать какое-нибудь значение своей работе в присутствии вечно деятельного Провидения, отмечающего даже смерть воробьев? Не кощунство ли думать о *своей* заботе, когда мы знаем, что Бог заботится о мельчайших вещах в мире? Нам остается только стоять в благоговейном трепете, говоря: «Да будет воля Твоя». Высочайшие души не могут работать, потому что они бесстрастны. Для всех людей, чьи души ушли в истинное «Я», чьи желания сосредоточены в этом «Я», кто соединился со своим истинным «Я»,— для этих людей работы не существует. Они воистину высочайшие люди в мире; но, за исключением их, все должны работать. Но, трудясь в мире, мы никогда не должны думать, что можем помочь хотя бы мельчайшему существу в мире. Мы этого не можем сделать. Мы помогаем лишь самим себе в этой мировой школе. Таково должно быть настроение при работе. Если мы будем всегда помнить, что возможность работать таким образом составляет большое преимущество, дарованное нам, мы никогда ни к чему привязаны не будем. Миллионы людей, подобных нам с вами, думают о своем значении; однако все мы умрем и через пять минут мир нас

позабудет. Но жизнь Бога безгранична. «Кто может прожить хотя бы одну секунду, дышать хотя бы секунду, если Всемогущий того не захочет?» Бог — это вечно деятельное Провидение. Вся сила принадлежит Ему и подчинена Ему. По его приказанию ветры дуют, солнце сияет, земля дышит и смерть ходит по земле. Бог есть все, и Он во всем. Мы можем только поклоняться Ему. Не стремитесь же взять себе плоды вашей работы; делайте добро ради добра. Только тогда вы приобретете совершенное бесстрастие, узы, созданные чувствами, будут расторгнуты, и вы получите совершенную свободу. Эта свобода есть цель Карма-Йоги.

ИДЕАЛ КАРМА-ЙОГИ

Величайшая идея в религии Веданты состоит в том, что мы можем достигнуть цели различными путями. Пути эти можно разделить на четыре категории — путь труда, путь любви, путь изучения себя и путь изучения мира. Но не следует вместе с тем забывать, что эти подразделения резко не разграничены и не исключают друг друга, нередко сливаясь между собой. Мы даем им название, сообразуясь с преобладающим в каждом из них типом, что вовсе не значит, что нельзя найти человека, не способного ни на что другое, кроме работы, или молитвы, или знания. В конце концов все пути сходятся, соединяясь воедино. Все религии и все методы служения и работы приводят нас к одной и той же цели.

Я уже пытался очертить эту цель. Это — свобода, насколько мы ее понимаем. Все, что мы видим вокруг себя, стремится к свободе, от атома до человека, от бесчувственной, безжизненной частицы материи до высшего существа на земле, до человеческой души. Вся Вселенная является результатом этой борьбы за свободу. Во всех сочетаниях каждая частица пытается идти своим путем, оторваться от других частиц; но те удерживают ее. Земля стремится улететь от Солнца, и Луна от Земли. Все в природе стремится к бесконечному рассеянию. Все, что мы видим во Вселенной, имеет основой своей эту жажду свободы; под импульсом этого стремления святой молится и вор крадет. Когда образ действия при этом неправилен, мы называем его злом; когда же он высок и истинен, мы именуем его добром. Но импульс при этом все тот же — стремление к свободе. Святого гнетет сознание своего рабства, и он хочет от него избавиться; поэтому он молится Богу. Вора гнетет мысль, что он не обладает известными вещами; поэтому он крадет. Свобода есть единственная цель всей природы, как чувствующей, так и лишенной чувства; и сознательно ли или бессознательно, все стремится к этой цели. Свобода, которой жаждет святой, отличается

от той, что ищет грабитель; свобода, облюбованная святым, приводит его к наслаждению бесконечным, неизреченным блаженством, тогда как та свобода, к которой стремится грабитель, кует лишь новые цепи для его души.

Всякая религия содержит в себе выражение этого стремления к свободе. Оно составляет основу нравственности и бескорыстия, знаменующих собой отрешение от представления о тождественности человека и его ничтожного тела. Когда человек делает добро, помогает другим, он тем доказывает, что не может удовлетвориться тесным кругом «меня и моего». Этому освобождению от эгоизма нет границ. Все великие этические системы проповедуют абсолютное бескорыстие как цель. Предположим теперь, что это абсолютное бескорыстие достигнуто человеком; что же с ним тогда происходит? Отныне он уж не отдельная ничтожная личность; он расширился, распространился до бесконечности; его мелкая личность, которою он до тех пор обладал, исчезла навеки. Он стал безграничен; и достижение этого бесконечного распространения является истинной целью всех религий и всех нравственных и философских систем. Индивидуалист испугается, познакомившись с философским изложением этой мысли. Вместе с тем, настаивая на необходимости нравственности, он сам проповедует ту же идею. Он не ставит границ бескорыстию человека. Как отличим мы человека, ставшего совершенно бескорыстным при индивидуалистической системе, от человека, достигшего совершенства по другим линиям? В обоих случаях он слился воедино со Вселенной, а это и есть цель всего; лишь плохой индивидуалист не имеет мужества довести собственные свои рассуждения до конечных выводов. Карма-Йога есть достижение через бескорыстную работу той свободы, которая составляет цель человеческой природы. В силу этого каждый эгоистический поступок задерживает достижение этой цели, и каждое бескорыстное действие приближает нас к ней; поэтому единственным определением нравственности могут быть следующие слова: «То, это эгоистично,— безнравственно; то, что бескорыстно,— нравственно».

Но если обратиться к подробностям, то дело оказывается не столь простым. Окружающие обстоятельства изменяют и детали, как я указывал выше. Один и тот же поступок при одних условиях бескорыстен, при других эгоистичен. Поэтому мы можем дать лишь общее определение и предоставить подробностям обрисовываться в каждом отдельном случае в связи с особенностями времени, места и условий. В одной стране одно поведение считается нравственным, в другой — оно безнравственно, в силу того, что условия различны. Цель всей природы — свобода, а свобода может быть достигнута лишь посредством полного бескорыстия; каждая бескорыстная мысль, каждый бескорыстный поступок, каждое бескорыстное слово приближают нас к цели и потому считаются нравственными. Это определение приемлемо для всякой религии, для всякой этической системы. Некоторые системы мысли утвер-

ждают, что нравственность исходит от Высшего Существа — Бога. На вопрос, почему человек поступает так, а не иначе, вам ответят: «Так повелел Бог». Но и такие кодексы этики, каково бы ни было их происхождение, все же имеют центральной идеей самопожертвование и самоотречение. Однако некоторые лица, несмотря на все величие этой этической идеи, страшатся той мысли, что они должны отречься от своей ничтожной личности. Предложим человеку, лелеющему свою мелкую личность, поразмыслить над тем, куда девается личное «Я» совершенно бескорыстного человека, вовсе не думающего о себе, ничего не делающего для себя, ни слова за себя не говорившего. Это «Я» известно ему, только пока он думает, поступает или говорит за себя. Если же он сознает только других людей, Вселенную — то куда девалось «Я»? Оно исчезло навсегда.

Следовательно, Карма-Йога представляет систему этики и религии, имеющую целью достижение свободы посредством бескорыстия и добрых дел. Карма-йог может не верить ни в какую доктрину. Он может не верить даже в Бога, может не вопрошать, что такое душа, и не думать ни о каких метафизических умозаключениях. Он имеет своей специальной целью осуществление бескорыстия, и ему приходится самому вырабатывать пути, ведущие к этой цели. Каждая минута его жизни должна превратиться в осуществление, ввиду того, что ему приходится разрешить одним только трудом, без помощи доктрины, ту же проблему, к которой Джнани прикладывает свой разум и вдохновение, а Бхакта — свою любовь.

Теперь возникает следующий вопрос. Что такое работа? Что такое оказание помощи миру? Можем ли мы вообще помочь миру? В абсолютном смысле — нет; в относительном смысле — да. Миру нельзя сделать постоянное или вечно пребывающее добро; если бы это было возможно, то мир перестал бы быть нашим настоящим миром. Мы можем утолить голод на известное время, но затем человек снова захочет есть. Каждое удовольствие, доставляемое нами человеку, имеет значение только на мгновение. Никто не может радикально изменить вечно перемежающуюся лихорадку радости и страдания. Поэтому можно ли говорить о вечном счастье для мира?

Нельзя поднимать волны в океане, не образовав где-нибудь углубления. Общий итог приятных вещей в мире всегда был известен в своем отношении к человеческим нуждам и к алчности людей. И этот итог не может быть ни увеличен, ни уменьшен. Возьмем историю человеческого рода, поскольку она нам известна. Не те же ли самые страдания и радости видим мы в нем от древнейших времен до наших? Не те же ли самые различия общественных положений? Точно так же одни богаты, другие бедны, одни высоки, другие низки, одни здоровы, другие больны. Все это происходило и у египтян, и у греков, и у римлян и происходит у современных европейцев и американцев. Вместе с тем мы видим, что, наряду с этим неустранимым чередованием счастья и

горя, всегда существовало стремление искоренить страдание. Каждый период в истории создавал тысячи людей, упорно работавших над облегчением пути своим ближним. А добились ли они успеха? Мы можем только играть, перебрасывая мячик с места на место. Мы удаляем страдание с физического плана, а оно переносится на ментальный. Это напоминает картину в Дантовом Аду, где скупцы поднимают в гору глыбу золота. Каждый раз, как они ее вкатывают немного, она снова падает вниз. Все наши разговоры о блаженстве хороши лишь как сказки для школьников, и только. Все народы, мечтающие о золотом веке, думают при этом также, что лучшая участь выпадет именно на их долю. Таково необыкновенно бескорыстное представление о блаженном царстве!

Мы не можем прибавить счастья миру; точно так же мы не можем и увеличить его страдания.

Общий итог страданий и радостей на земле останется всегда неизменным, мы лишь перемещаем его места и место, но он от того не увеличивается и не уменьшается. Этот прилив и отлив, подъем и падение присущи самой природе мира; думать иначе столь же нелогично, как представлять себе жизнь без смерти. Это совершенная нелепость ввиду того, что сама идея жизни подразумевает смерть и сама идея радости подразумевает страдание. Светильник беспрестанно выгорает, и в этом состоит жизнь. Если вы хотите приобрести жизнь, вы должны каждую минуту умирать за нее. Жизнь и смерть составляют только различные выражения одного и того же явления, рассматриваемого с различных точек зрения; они представляют подъем и падение одной и той же волны и образуют одно целое. Один человек смотрит на аспект падения и становится пессимистом; другой смотрит на аспект подъема и становится оптимистом. Когда мальчик ходит в школу и отец и мать заботятся о нем, ему все кажется прекрасным; потребности его просты; он большой оптимист. Но старик, с его разнообразным опытом, становится спокойнее, и пыл его несомненно охладевает. Так, старые нации, показывающие признаки вырождения, менее оптимистичны, чем молодые народы. Одна индусская пословица говорит: «Тысяча лет — город, тысяча лет — лес». Это превращение города в лес и обратно происходит всюду, делая людей пессимистами или оптимистами, сообразно с той стороной явления, которая к ним обращена.

Рассмотрим теперь вопрос о равенстве. Представление о золотом веке давало сильное побуждение к работе. Многие религии учат, что Бог придет управлять миром и уничтожит различия между людьми. Люди, проповедующие эту доктрину,— фанатики, а фанатики — самые искренние люди среди человечества. Проповедь христианства основывалась на увлечении этим фанатизмом, и это-то и делало его столь привлекательным для греков и римлян. Они говорили, что при наступлении золотого века не будет больше рабства и настанет изобилие, и поэтому древние народы устремились к христианскому идеалу. Первые люди, распространявшие эту идею, были, конечно,

невежественными, но очень искренними фанатиками. В наши дни этот идеал вылился в форму стремления к свободе, равенству и братству. И это тоже фанатизм. Истинного равенства никогда не было и никогда не будет на земле. Как можем мы быть здесь равными? Такое равенство подразумевает полную смерть. Что именно делает мир тем, что он есть? Утраченное равновесие. В первичном состоянии, именуемом хаосом, царит совершенное равновесие. Таким образом создаются все творческие силы Вселенной — путем борьбы, соревнования, столкновения. Если бы все частицы материи оставались в равновесии, разве мог бы совершаться процесс творчества? Наука нам говорит, что это невозможно. Если нарушить равновесие водной площади, каждая частица ее будет стремиться к покою, толкаясь одна о другую; точно так же явление, именуемое нами Вселенной,— все содержащееся в ней,— стремится вернуться к состоянию совершенного равновесия. Неравенство лежит в основе творчества. Тем не менее силы, стремящиеся установить равенство, являются таким же необходимым фактором творчества, как и те, что нарушают его.

Абсолютное равенство, означающее совершенное равновесие всех борющихся сил на всех планах, никогда не может установиться в нашем мире. Задолго до достижения этого состояния мир станет совершенно непригодным для какой бы то ни было жизни и опустеет. Поэтому мечты о золотом веке и об абсолютном равенстве не только несбыточны, но, если бы мы попытались их осуществить, они неминуемо привели бы нас к гибели. В чем состоит различие между человеком и человеком? Главным образом в уме. В настоящее время никто, кроме безумца, не скажет, что мы все родились с одинаковыми умственными способностями. Мы приходим в мир с неравными дарованиями; одни из нас люди выдающиеся, другие — ничтожные, и нет возможности уйти от этого состояния, предопределенного до рождения. Американские индейцы населяли Америку в течение тысяч лет, когда горсть европейцев пришла в их страну. Какую перемену они произвели во внешнем виде ее! Почему индейцы не вводили улучшений, не строили городов, раз все равны? Вместе с европейцами в страну проникли и новые умственные силы, принося с собой целый ряд впечатлений, проявивших себя здесь. Полное отсутствие различия равносильно смерти. Пока стоит мир, будет происходить образование различий, и совершенное равенство настанет лишь тогда, когда закончится цикл творчества. До той минуты равенства быть не может. Однако идея достижения золотого века является большой побудительной силой. Подобно тому как неравенство необходимо для самого творчества, так необходима и борьба за освобождение и возвращение к Богу. Если бы не было борьбы, то не было бы и творчества. Различие между этими двумя силами и обусловливает побуждение людей. Мотивы эти действуют непрерывно, причем одни стремятся к рабству, другие к свободе.

Это сцепление колес в мире — страшный механизм; если мы

вложим в него руку, он нас тотчас же вовлечет, и мы будем вращаться вместе с ним. Все мы думаем, что, исполнив известный долг, мы успокоимся; но не успеваем мы исполнить и части этого долга, как другой уже ждет нас. Всех нас влечет эта мощная, сложная мировая машина. Только два пути могут вывести из нее нас: один из них — отречься от всякой связи с машиной, отрешиться от нее и стать в стороне, отказавшись от желаний. Сказать это легко, но сделать крайне трудно. Не знаю, может ли один человек из двадцати миллионов совершить этот подвиг?! Другой путь — погрузиться в мир и познать тайну; это путь Карма-Йоги. Не бегайте от колес мировой машины, но станьте в сердце ее и познайте тайну работы. Путь наружу проложен через саму машину.

Мы знаем теперь, что такое работа. Это одна из основных частей природы, и она непрерывна. Верующие в Бога лучше понимают это, зная, что Бог не настолько неспособное существо, чтобы нуждаться в нашей помощи. Хотя бы Вселенная жила вечно, наша цель — свобода; наша цель бескорыстие, и, согласно Карма-Йоге, этой цели можно достигнуть работой. Все мысли о водворении полного счастья на земле прекрасны как побудительные мотивы фанатиков; но мы должны понять, что фанатизм приносит столько же пользы, сколько и вреда. Карма-йог недоумевает: зачем нужны другие побуждения к работе, кроме врожденной любви к свободе? Возвысьтесь над обыденными житейскими мотивами. «Вы имеете право на труд, а не на плоды его».—«Человек может воспитывать себя в понимании и осуществлении этой идеи»,— говорит Карма-йог. Когда мысль о добре станет частью его природы, он не будет искать внешних побуждений к добру. Будем делать добро, потому что хорошо делать добро. «Кто делает хорошие дела, хотя бы для того, чтобы попасть на небо, связывает себя»,— говорит Карма-йог. Всякий труд, исполненный с малейшим эгоистичным мотивом, вместо того чтобы освободить нас, кует нам новую цепь.

Итак, единственный путь состоит в том, чтобы отказаться от плодов работы, отрешиться от них. Знайте, что мир — не мы, и мы — не мир, что мы — не тело; что мы в действительности не работаем. Мы — наше высшее «Я»— вечно пребываем в мире и покое. Зачем нам связывать себя чем бы то ни было? Каждое бескорыстное дело, совершенное нами, вместо того чтобы выковать новую цепь, разорвет одно звено в оковах, которые уже существуют. Каждая добрая мысль, посылаемая нами в мир без помысла о награде, разорвет одно звено цепи и будет все больше и больше очищать нас, пока мы не станем чистейшими из смертных. Однако все это может показаться слишком восторженно философским, слишком теоретическим и имеющим мало практического значения. Я читал немало возражений против Бхагавадгиты, и многие из возражавших утверждали, что без побуждений нельзя работать. Авторы их, по-видимому, не видели бескорыстной работы, совершенной не под влиянием фанатизма.

Позвольте в заключение сказать несколько слов об одном человеке, в совершенстве осуществившем учение о Карма-Йоге. Человек этот — Будда. Все пророки в мире, за исключением Будды, были побуждаемы к бескорыстному труду внешними мотивами. Мировые пророки, за исключением одного Будды, делятся на две категории: одни из них утверждают, что они — воплощение Бога на земле; другие считают себя лишь посланниками Его; и обе категории заимствуют импульс к работе извне, ждут награды извне, как бы высоко духовен ни был их язык. Но из всех пророков один только Будда сказал: «Я не хочу знать ваших теорий о Боге. Какая польза в обсуждении тонких доктрин о душе? Будьте добры и делайте добро. Это приведет вас к свободе и к истине, какова бы она ни была». В своей жизни он не имел абсолютно никаких личных мотивов; а кто работал больше его? Укажите в истории человека, поднявшегося выше его. Весь человеческий род воспроизвел лишь один такой характер, одну такую высокую философию, одно такое всеобъемлющее сострадание. Этот великий философ, проповедовавший высочайшую философию, питал, однако, глубокое сострадание к малейшим тварям и никогда ничего не требовал для себя. Он был идеальный Карма-йог, действовавший всецело без личных мотивов, и история человечества удостоверяет, что он был величайший из рожденных людей, что он представлял собой вне всякого сравнения величайшее сочетание ума и сердца, величайшую духовную силу, когда-либо проявившуюся на земле. Он первый великий преобразователь в мире. Он первый посмел сказать: «Верьте не потому, что существуют такие или другие древние рукописи и не потому, что это ваша национальная вера, которой вас учили с детства. Обсудите свою веру, проанализируйте ее, и, если вы найдете, что она может приносить добро людям, проводите ее в жизнь сами и помогайте другим жить согласно с нею».

Лучше всего работает тот, кто работает без всякого личного мотива,— не из-за денег, не из-за славы, не из-за чего-либо другого. И, когда человек может работать так, без всякого пристрастия, он становится Буддой, и из него исходит такая сила труда, которая может изменить весь мир. Такой человек представляет собой высший идеал Карма-Йоги.

СОДЕРЖАНИЕ

Вивекананда С.

В 411 Карма-Йога.— Рига: Виеда, 1991.—62 с.

В этой работе под словом «Карма» подразумевается работа. Работает лучше тот, кто работает без всякого личного мотива,— не из-за денег, не из-за славы. Когда человек в состоянии работать так, из него исходит огромная сила труда, которая может изменить весь мир. Такой человек является высшим идеалом Кармы-Йоги.

Печатается по рижскому изданию. (Написание санскритских терминов и имен по возможности приведено в соответствие со сложившейся традицией русской транслитерации.)

В $\frac{0403000000}{М817(09)—91}$ 91

86.39

Свами Вивекананда

КАРМА-ЙОГА

Редактор Н. Зорина
Художественный редактор Э. Зариньш
Технический редактор Г. Слепкова
Корректор Е. Данилова

Сдано в набор 30.03.91. Подписано в печать 21.10.91. Формат $60 \times 90/_{16}$. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. 4 физ. печ. л.; 4 усл. печ. л.; 4,38 усл. кр.-отт.; 3,76 уч.-изд. л. Тираж 50000 экз. Заказ № 2896. Цена свободная.

Издательство «Виеда». Регистрационное удостоверение № 2—0001. 226018 Рига, ул. Одесас, 17. Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате Министерства печати и массовой информации РСФСР. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА

КАРМА-ЙОГА

В Карма-Йоге мы имеем дело со словом *Карма* в смысле работы. Лучше всего работает тот, кто работает без всякого личного мотива,— не из-за денег, не из-за славы, не из-за чего-либо другого. И, когда человек может работать без всякого пристрастия, из него исходит такая сила труда, которая может изменить весь мир. Такой человек представляет собой высший идеал Карма-Йоги.